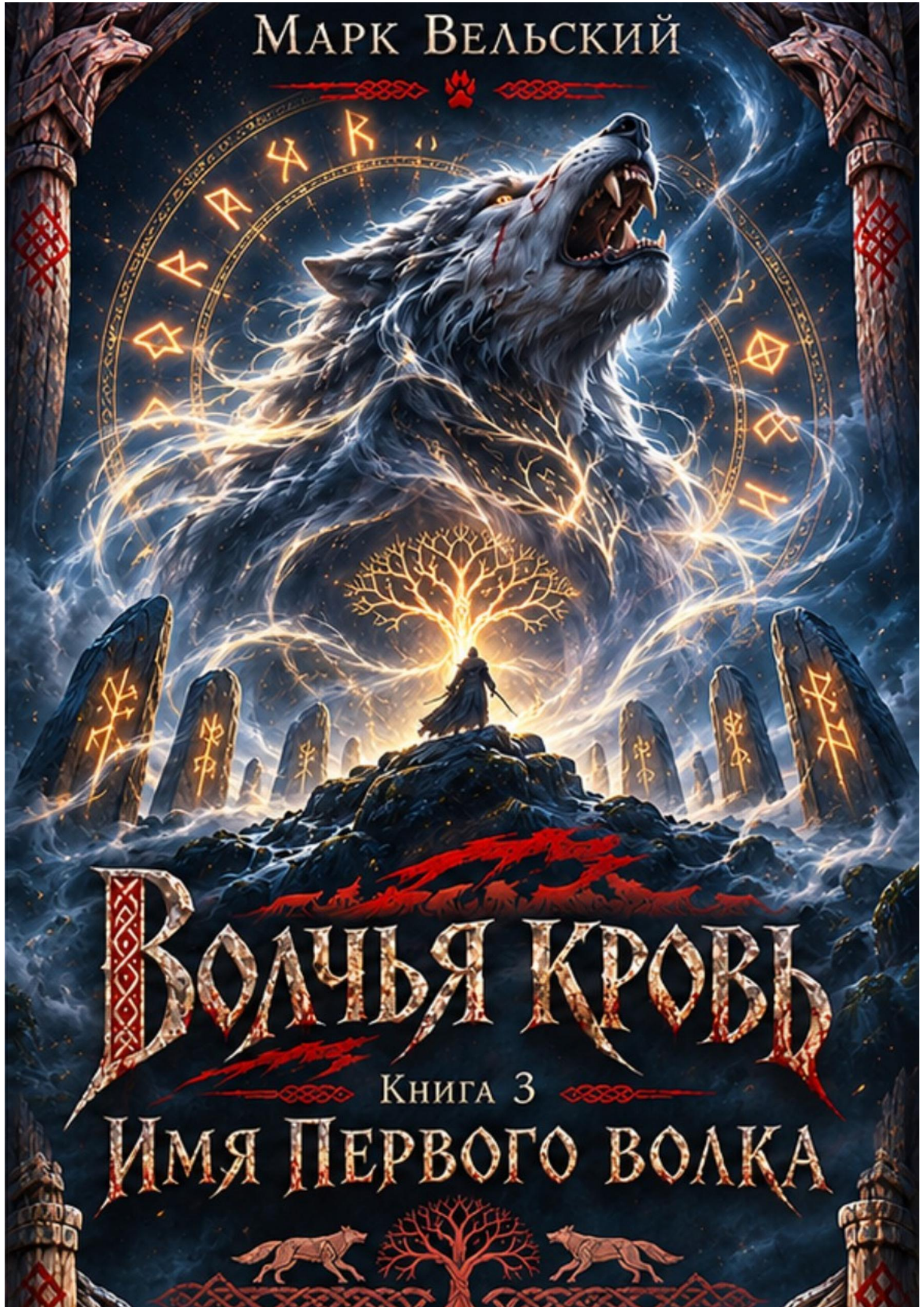

Марк Вельский
Волчья кровь
Книга 3
Имя Первого волка

Марк Вельский

Волчья кровь. Имя первого волка

«Автор»
2026

Вельский М.

Волчья кровь. Имя первого волка / М. Вельский — «Автор», 2026

Война девяти земель закончилась. Но для Ратмира и его стаи самое опасное испытание ещё впереди.На волчьих объявлена охота. Против них выходит враг, который знает их силу, изучает повадки и умеет превращать даже самые верные решения в смертельные ловушки.Впереди — заснеженные перевалы, забытые святилища, древние тайны и сражения, в которых одной звериной силы уже недостаточно.Кто был Первым Волком? Почему его имя исчезло из преданий? И что скрывает прошлое тех, в чьих жилах течёт волчья кровь?«Имя Первого Волка» — заключительный роман трилогии «Волчья кровь». История о верности, потерях и последнем испытании стаи.

© Вельский М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Четыре следа 6
Глава вторая. Дорога, которой не верят 11
Глава третья. Камень не знает хозяина 16
Глава четвёртая. Четвёртый удар 22
Глава пятая. Красная теснина 26
Глава шестая. Те, кого не спрашивали 31
Глава седьмая. Долг за проход 35
Глава восьмая. Перевал без эха 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марк Вельский
Волчья кровь. Имя первого волка

Глава первая. Четыре следа

На девятое утро после похорон Невзора с его могилы исчезла земля.

Не вся. Кто-то раскопал узкую полосу вдоль нижнего края, между корнями старой яблони, а сырой дёрн сложил у корня. Берест присел возле ямы, не разгибая больной правой руки. Нож Невзора с потёртой костяной рукоятью лежал теперь у Ратмира за поясом; дорожный шест оставался воткнутым у изголовья. Его никто не тронул.

— Мёртвых здесь не искали, — сказал Берест. — Копали с той стороны, где не было тела.

Млада стояла чуть выше на склоне. После обвала башни и последней битвы бедро ныло на морозе, и она опиралась на палку, которую велела вырезать простую, без знаков дружины. На снегу виднелись два следа: один принадлежал человеку в тяжёлых сапогах, другой — человеку, который прихрамывал на правую ногу. Следы начинались не у городских ворот, а возле запущенного сада, куда давно не ходили караулы.

— Они знали, где копать, — сказала она. — Не искали могилу. Искали что-то под ней.

Ратмир опустился на колено. Невзор никогда не носил много вещей. Нож, плащ, шнурки для сигналов, половина старой карты — всё это после боя сложил Гостята. Шест стоял прямо, земля у его основания оставалась нетронутой. Значит, ночью приходили не за оружием мёртвого следопыта.

В вырытой борозде чернел тонкий металлический обломок. Ратмир достал его двумя пальцами: гвоздь с широкой головкой, почти в ладонь длиной. На шляпке вместо княжеского клейма была насечена короткая поперечная черта. Под ногтем осталась мелкая белая пыль.

— Не наш, — сказал он.

Драгун поднялся к могиле позже других. При виде вскрытого дёрна он остановился, будто его толкнули. Потом снял перчатку, приложил два пальца к надрезу на корне и попросил не наступать рядом.

— Невзор перед последним боем ходил сюда, — сказал он. — Не к могиле, её тогда не было. Он проверял старую тропу за садом. Я думал, ищет место для зимнего дозора.

— Откуда знаешь? — спросила Млада.

— Он велел мне посмотреть на надрез, если вернусь и не найду его самого. Сказал, что это метка людей, умеющих преследовать волчьих по их собственным следам. — Драгун показал на кору. — Видите две черты? Нижняя сделана поперёк волокон. Наши охотники так не режут.

Под дёрном лежал короткий кусок серой нити, прихваченный землёй. На ней были засохшие капли воска. Не случайная нитка из похоронной ткани: её привязали к корню и позднее срезали. Тот, кто раскапывал могилу, искал не тело, а оставленную в саду отметку. Невзор увидел эту работу ещё живым; враг узнал, где лежит человек, заметивший её.

— Они пришли не за мёртвым, — сказал Ратмир. — Им нужно было узнать, что успел увидеть живой.

Драгун сунул нить в пустой футляр для стрелы.

— Невзор бы сразу сказал, чей, — ответил Берест.

Обычно за такой фразой следовала шутка. В этот раз не последовала.

Ниже, возле городской стены, ударили в сторожевой колокол. Один раз. Потом три частых. Не пожар: для пожара били без счёта. Три частых удара означали, что на северной дороге замечена вооружённая погоня.

Млада уже спускалась. Ратмир придержал её за локоть на обледенелой ступени; она высвободила руку и сама выбрала твёрдый участок. Он пошёл рядом, подстраиваясь под её хромоту.

У северных ворот дозорные волокли поперёк проезда бревно. За ним стояли два воза с ранеными, пришедшие из пригородных слобод. Город ещё не оправился от осады: под аркой вместо прежней створки висели два толстых щита, а на каменном полу сохранялась выемка от железной цепи, под которой погиб Невзор.

— Кто идёт? — спросил Ратмир у начальника караула.

— Девчонка верхом, за ней четверо в серых плащах. Не наши. Лошадь у неё подбита, упадёт до ворот.

Тихон стоял возле ближнего щита. Под ключицей темнела новая повязка; рана заживала медленно, и каждое поднятие руки отдавалось в грудь. Рядом с ним была Любава. Она что-то говорила ему, повернувшись к дороге, но Тихон отвечал только после того, как видел её лицо. Голос сестры он больше не узнавал на слух. Любаве всё ещё приходилось ждать, пока он повернёт голову, даже когда она стояла в двух шагах.

Ратмир приказал поднять бревно на ширину одного коня.

— Сначала пропустим бегущую. Потом спросим, кто преследует.

Из серого утреннего света вылетела маленькая гнедая лошадь. Девочка лет пятнадцати вцепилась в гриву и уже не держала повод. Правая нога животного оставляла на подмёрзлой дороге тёмные пятна. За седлом болтался узел из грубой ткани, туго стянутый ремнём. Девочка успела выкрикнуть только:

— Закройте!

Конь влетел под арку и рухнул на колени. Берест подхватил всадницу здоровой рукой, а Тихон взял животное под уздцы, не позволяя ему упасть на людей. Из узла за седлом выскользнул короткий кусок железа. Он ударил в камень странным сухим звоном, словно внутри был пустой.

Девочка не пыталась встать.

— Уберите его с дороги, — задыхаясь, сказала она. — Не держите возле стены.

Млада взглянула на обломок. Тот был похож на гвоздь с могилы Невзора, только крупнее, с тремя насечками вдоль плоского стержня. На одном конце железо потемнело от старой земли, на другом свежо блестело там, где его недавно выломали.

— Откуда взяла?

— Не я. Отец вытащил. Он велел везти к тем, кто не подчиняется княжеским печатям. Про вас рассказали на дороге.

Тихон повернул голову к внешнему склону.

— Они близко.

Он услышал не копыта, а камни. По дороге, прикрываясь конскими боками, шли четверо людей в одинаковых серых плащах. Двое спешились, третий тянул за повод осёдланную лошадь, четвёртый нёс на длинной жерди деревянный ящик, обитый железом. На расстоянии пятидесяти шагов они остановились.

— Девочку отдайте, — крикнул человек с ящиком. — Она несёт краденое с дороги Семерых камней.

— Имя её отца, — потребовал Ратмир. — И зачем вы его преследуете.

— Отец нарушил старый запрет. Он мёртв. Имя вам ничего не даст.

Девочка поднялась, цепляясь за стену.

— Жив он. Когда я уезжала, был жив. Они не знали, как открыть нижний проход, и хотели заставить его показать.

Человек с ящиком повернул голову к товарищу. Тот опустил руку под плащ; в тесном кольце у большого пальца блеснул медный обруч. Ратмир сразу вспомнил пустые круги на знамёнах, с которыми враг приходил к Белояру. Но у этих людей на одежде не было ни одного знака войска. Они не искали боя с городом. Они пришли за железом.

— Ты понимаешь, что держишь? — крикнул человек с ящиком.

— Нет, — ответил Ратмир. — И потому пока не отдам.

Тот открыл крышку. Внутри оказалось несколько узких каменных пластин, каждая с вырезанной поперечной полосой. Он достал одну, ударил по ней молоточком и повернул к дороге. Звук был негромкий, будто осколок льда коснулся края чаши.

На северном склоне за воротами зашевелился снежный вал.

Первым это заметил не волчий, а городской мальчишка, стоявший у котла с водой. Он показал пальцем на обочину. Земля поднялась, сбросила снежную корку, и из неё медленно вышел человекоподобный камень. Вместо лица на широкой голове лежала гладкая плита. В трещинах плеч торчали корни прошлогодней травы. Шагнув, страж оставил в земле вмятину глубиной с детскую ладонь.

Драгун, молодой северянин, когда-то учившийся стрелять у Невзора, вскинул лук.

— Не стреляй, — сказал Ратмир.

— Он идёт к воротам!

— Вижу. Стрелу убери.

Каменник прошёл мимо людей в серых плащах, не повернув головы. Двое шарахнулись к лошадям. Человек с ящиком оставался неподвижным. Он держал пластину перед собой, словно показывал зверю дорогу.

— Ему нужно то, что девчонка привезла, — сказала Млада.

— Тогда почему он идёт на детей? — спросил Берест.

За воротами сгрудились жители из двух возов. Старый плотник пытался развернуть носилки и застрял между двумя щитами. Любава схватила его за плечо, показала, куда вести первую пару; Тихон помог поднять поперечное бревно, и люди потянулись в боковой проход к лекарской.

Каменник увидел железо у ног девочки. Он ускорил шаг. Каменная ладонь раскрылась, и на внутренней стороне показалась выемка точно по форме трёх насечек. Ратмир понял, что страж не охотится на людей. Он идёт за вынутой частью дороги. И если между ним и железом останется городская стена, он попытается пройти сквозь неё.

— Млада, отведи девочку под арку. Берест, держи щит у повозок. Тихон, со мной.

— А железо? — спросил Тихон.

— Оставим там, где страж сможет взять, не ломая стену.

Он поднял стержень с земли. В пальцах тот оказался тяжелее, чем следовало по размеру; шершавая поверхность быстро стала мокрой от тепла кожи. Каменник повернул к нему гладкое лицо. С внешней дороги полетела стрела. Она ударила Ратмира в каменную кладку над плечом, осыпав крошку на воротник.

— Они хотят, чтобы ты не успел, — сказал Тихон.

Второй стрелой серый ранил городского стражника в икру. Тихон удержал падавшего, Ратмир перехватил железный стержень и бросился к открытой части проезда. Каменник двигался быстро для такой тяжёлой массы. Он ударил ладонью по щиту, закрывавшему арку. Щит раскололся, железные скобы вылетели из дерева. Берест подставил плечо под провисающий край, но раненая рука не выдержала; он выругался и схватился за выступ левой.

Волчья кровь толкнулась у него под кожей так резко, что шерсть проступила на запястье. Берест остановил обращение усилием воли. Ещё один раз он мог удержать здесь целую стену, но за такое спасение у него уже не оставалось ни лица брата, ни смеха, ни первого пира с товарищами. Он стиснул зубы и приказал двум плотникам подать шест.

Ратмир успел выйти к каменнику на расстояние вытянутой руки. Тот занёс каменную ладонь. Вместо того чтобы ударить по ней ножом, Ратмир положил железо на снег, отступил и поднял пустые руки.

Страж остановился. Тень от его плеча легла на лежащий стержень. Каменная кисть опустилась, пальцы сомкнулись вокруг железа. Где-то в глубине тела прошёл короткий стук, будто в пустую бочку упал камешек.

Ничего не случилось.

Потом каменник повернулся спиной к воротам и пошёл обратно к северному склону.

Человек с ящиком опустил пластину. Его лицо под капюшоном впервые стало видно: молодой мужчина, гладко выбритый, с обмороженным кончиком уха. Он долго смотрел вслед каменному стражу, потом засунул молоточек за пояс.

— Дорогу вы всё равно откроете, — сказал он. — Потому что свои голоса у вас кончаются.

— Остановить! — приказала Млада.

Драгун выстрелил по ногам лошади, за которой укрывался мужчина; тот успел вскочить в седло. Берест метнул в него деревянный обломок щита. Удар пришёлся по ящику, крышка слетела, каменные пластины рассыпались по дороге. Один преследователь упал, второго сбила собственная лошадь. Двое оставшихся повернули на север и скрылись в снежной низине прежде, чем караул выбрался за ворота.

Млада не погналась: раненное бедро не позволяло бежать по скользкому склону, а за стеной всё ещё кричали раненые. Она подняла с земли одну пластину. На ней был знак из трёх параллельных зарубок и короткого поперечного штриха. Возле могилы Невзора Ратмир видел такой же штрих на железном обломке.

Каменник тем временем опустился на колени у обочины. Его плечи медленно ушли в почву. За несколько мгновений от него осталась только каменная шапка, с которой ветер уже сдувал мелкий снег. Под ней, у самой земли, блестели три насечки возвращённого стержня.

Девочка наконец смогла говорить без дрожи. Её звали Дана. Она ехала из каменной сторожки на дороге к Семерым камням. Отец её, Косма, следил за межевыми столбами и зимними проходами. Три дня назад туда пришли люди с каменными пластинами и велели вытащить из дороги старое железо. Косма отказался. Тогда они взялись за лом сами. Каменник вышел из земли после первого удара.

— Отец сказал, что страж не их слушается, — произнесла Дана. — Он слушается того, что вынули. И ещё сказал: если в Белояре живы волчьи, они поймут, почему нельзя оставлять дорогу без свидетеля.

— Откуда он знает нашу дружину? — спросил Ратмир.

— К Семерым камням приходили люди, передавали весть о трёх ударах из-за двери. Отец записал, кому они её отдали. Потом пришли другие и потребовали рассказать, кто отвечает изнутри.

— Ты видела отвечавшего?

— Никто не видел, — сказала Дана. — Но три удара больше не слышно.

Любава осторожно коснулась её плеча, заставив посмотреть на себя.

— Ты уверена, что стучать перестали? Не просто сторожа ушли?

— Отец каждую ночь сидел у стены. Я видела, как он зажигал фонарь. Последней ночью фонарь погас раньше полуночи. А утром дверь с нашей стороны была оббита новыми железными полосами.

Тихон вынул из-под одежды шнурок с деревянными кругляшами. Рожан когда-то передал его ему, прежде чем остаться по ту сторону двери. Несколько кругляшей были истёрты до гладкости, и ни одно имя не возвращалось от одного прикосновения.

— Вы слышали хоть один удар после полос? — спросил он.

Дана покачала головой.

Млада посмотрела на снег у ворот. Четыре следа их стаи, оставшиеся после похорон, давно смыло талой водой. Сейчас под аркой виднелись следы раненых, караульных, лошадей.

Среди них не было Невзорова шага, который всегда чуть разворачивался вправо на мокром камне. Она неожиданно подумала, что он заметил бы второй путь серых всадников ещё до погони.

Ратмир спрятал найденный на могиле гвоздь в кожаный мешочек. Он не знал, что люди искали в земле Невзора. Но знал, что их дорога начиналась не у Белояра, а там, где старый человек сидел за запертой дверью и больше не мог ответить.

— Сколько дней до сторожки, если ехать без обоза? — спросил он.

— Семь, — ответила Дана. — Если метель не закроет верхний перевал.

— Значит, едем сегодня.

Берест поднял голову. На больной руке снова выступила кровь.

— Сегодня, значит, — сказал он. — Невзор бы сперва спросил, где ночевать.

— И нашёл бы место, — ответил Тихон.

Ратмир вспомнил последнюю беседу с Невзором у разрушенной городской стены. Была ещё ночь, хотя над крышами уже серело. Невзор тогда потянул узел на ремне Ратмира и сказал без улыбки: «Если я не вернусь, не заставляй остальных идти по моему следу только потому, что это мой след. Смотри, кто его оставил после меня». Ратмир ответил, что следопыт слишком много о себе думает. Невзор попросил оставить ему хотя бы эту слабость. Они расстались у ворот, не обнявшись. Теперь Ратмир помнил каждое слово, но не решался рассказать товарищам: сказанное перед смертью вдруг оказалось приказом, которого нельзя было исполнять вслепую.

Все четверо, не договариваясь, посмотрели на северную дорогу.

За садовой стеной, где давно не ходили караульные, сидел человек с обмотанными тряпкой сапогами. Он видел, как Драгун забрал нить, как Ратмир коснулся дорожного шеста у могилы и как у северных ворот начали седлать коней. В сумерках он дополз до пустой хижины, снял спрятанную там жестяную трубку и вытряхнул из неё узкую полоску кожи. На полоске углём стояли три знака: семь коней, северная дорога, Семеро камней.

Его задача была простой: сообщить, что стая ушла к Семерым камням. В чёрном распадке ответил рог, и наблюдатель сжёг полоску над огнём.

Глава вторая. Дорога, которой не верят

К полудню снег растаял на крышах, но внизу, между стенами, держался в тени. Ратмир не стал созывать дружину. Он прошёл к оружейной, где Горислав проверял снятые с осады копья, и положил перед воеводой гвоздь с могилы Невзора.

— Такие вынимали из дороги у Семерых камней. Ночью двое людей искали один возле нашего мёртвого. Девочка привезла другой. Каменник дошёл почти до ворот.

Горислав перевернул гвоздь и потрогал белую пыль на головке.

— Ты думаешь, они пришли к Невзору из-за дороги?

— Пока знаю только, что они копали там, где похоронили его. И что его могилу показали без ошибки.

— У нас половина города знала о похоронах.

— Да. Потому я не собираюсь объявлять половину города предателями.

Горислав одобрительно хмыкнул. Он стал седым за последние недели, но не приобрёл привычки говорить мягко. Из-за двери доносился сухой стук: ученики оружейника перебирали сломанные наконечники, отделяя те, что можно перековать, от бесполезных.

— Сколько возьмёшь людей? — спросил воевода.

— Четверых волчьих. Любаву, Гостяту, Драгуна. Девочка покажет дорогу.

— За стеной ещё не кончилась война. Здесь тоже хватает работы.

— Я оставлю тебе Ольшу. Она знает, какие улицы кормить и откуда брать людей на ночной караул. Ждан остаётся у Перевоза, пока не встанут на ноги раненые. Больше никого не забираю.

— Ты оставляешь в городе тех, кто умеет его удержать, — заметил Горислав. — А сам идёшь за стариком, который трижды стучал из-за камня.

— За ним мы пойдём, если он ещё жив. Сначала надо найти Косму и понять, что происходит с дверью.

Горислав вернул гвоздь. На пальцах у него осталась белая пыль; он вытер их о грубую ткань.

— Уходи до вечера. Если люди с пустыми кругами снова придут к нам, я не стану ждать суда, чтобы закрыть им ворота.

— Суд у тебя и без них не закончится.

— И это не повод перестать чинить стены.

Ратмир уже шагнул к порогу, когда Горислав окликнул его:

— Могилу велю стеречь. Живым ещё предстоит научиться не тревожить мёртвых.

В лекарской Дана сидела на полу рядом со своей лошадью. Животное уложили на сухую солому; Ждана в городе не было, и лечением занималась Втора. Она обрезала мокрую шерсть на ноге, вынула неглубоко вошедший осколок железа и объявила, что гнедая останется здесь минимум на десять дней. Дана слушала, сжимая в кулаке повод.

— Я пешком дойду, — сказала она, прежде чем Ратмир заговорил.

— Тогда мы потеряем время. У нас есть сменная лошадь.

— Не хочу чужую.

— Твоя останется живой, если перестанешь трясти её по дороге.

Втора положила рядом с девочкой чистый кусок полотна.

— Если поедешь, держи повязку на собственном запястье сухой. Ты держалась за гриву так крепко, что содрала кожу. Ещё одну ночь в снегу — и рука загноится.

Дана кивнула, но от поводьев не отняла пальцев. Тихон присел рядом с конём, погладил его по морде. Он ничего не сказал девочке. Ему не нужно было объяснять, что такое оставить позади того, кто доверял тебе дорогу.

Любава собирала в соседней комнате небольшой узел. В него вошли полотняные рубахи, нож для вырезания отметок, два кремня и дорожная книжка. Она достала из сумки деревянную птицу, которую Тихон вырезал до последней битвы, подумала и привязала к ремню снаружи.

— Потеряешь, — сказал брат.

Она повернулась к нему, дождалась, пока он увидит лицо.

— Если спрятать, тоже можно потерять. Просто заметим позже.

— Я слышал, что ты говорила ещё в комнате.

— Услышать не значит узнать.

Тихон опустил глаза. В самом начале пути он бы попытался отшутиться. Теперь только проверил, туго ли затянут ремень, и подал ей длинный плащ.

Берест ждал у ворот в чужой, слишком узкой кольчуге. Правое предплечье ему стянули ремнями так, чтобы кисть не сгибалась резко. Он сдвинул левым плечом седельную сумку, проверил застёжку, затем долго смотрел на пустое место, куда обычно подходил Невзор с дорожным шестом. Драгун стоял там же, привязав к седлу два коротких сигнальных ремешка.

— Я могу вести передовых, — сказал юноша.

Берест посмотрел на него без обычной насмешки.

— Можешь. Но если не знаешь, что под снегом, сперва спешишься. Невзор не любил, когда люди проверяли яму собственной лошадью.

— Он говорил иначе.

— Вот ты и скажешь нам, как именно.

Драгун поднял подбородок. За их спинами Млада выбрала из городского склада две короткие пешни: лёд на перевале будет толще, чем на Белоярской реке. Острия обмотали, чтобы они не пробили сумки в дороге. Гостята взял одну чистую книгу, а остальные оставил Лисаве. Он утверждал, что никогда прежде не выезжал с таким лёгким грузом.

— Ненадолго, — ответила Млада. — Если начнёшь записывать каждый пень, книгу домой не довезёшь.

— Я записываю только то, что видел.

— Значит, смотри по сторонам. Тогда будет что записать.

Они вышли из Белояра через северные ворота незадолго до заката. Восемь всадников, семь коней: Дана сидела позади Любавы, потому что чужую лошадь согласилась взять лишь до первой развилки. У каждого был недельный запас сухого хлеба и немного солонины; воду собирались пополнять у рек. Ни одного знамени не взяли. На воротной плите, возле выбитых имён погибших, свежий камень ещё отличался цветом от старого. Драгун посмотрел на имя Невзора, но не остановился.

Первую ночь провели в заброшенной печной избе, где когда-то жили углежоги. Печь давно развалилась, зато крыша удерживала ветер. Млада выставила караул не из страха перед лесными зверями: после вчерашней погони любой свет мог оказаться сигналом тем, кто искал Дану.

Утром дорога начала подниматься. Снег лежал только на северных склонах, и копыта то стучали по камню, то уходили в мягкую землю. Через два дня они дошли до узкого каменного моста над оврагом. Мост не принадлежал никакому из девяти земельных дворов. С одной стороны от него стояла изба с обвалившимся крыльцом, с другой начиналась старая засека из загнивших сосновых стволов.

Возле избы сидела женщина в чёрном платке. На земле перед ней лежал разбитый глиняный горшок. Она подняла голову, когда услышала шаги, и сразу узнала Ратмира.

— Ты вернулся, — сказала она.

Ратмир остановил коня.

— Мы знакомы?

— Я тебя знаю. Этого достаточно.

Её звали Палагея. Много лет назад дружина Ратмира проходила здесь по приказу Всеслава. По ту сторону оврага жили люди, укрывавшие беглецов после северной войны. Ратмир приказал сжечь засеки, чтобы отрезать дорогу вооружённому отряду. Среди сухих сосен тогда остались двое, которых дружина не заметила. Муж Палагеи и её брат.

Она говорила об этом без крика, словно давно устала пытаться заставить кого-нибудь услышать.

— Я не прошу прощения, — сказал Ратмир.

— А я его не предлагаю. Мост мой покойный муж чинил. Не поедешь по нему, пока я здесь.

Берест придержал коня. Драгун бросил взгляд на противоположный берег, измерил ширину оврага, выругался вполголоса. По северной дороге уже ползла низкая туча: к ночи могла начаться метель, и обход грозил потерей ещё одного дня.

— У тебя есть право не пускать меня, — сказал Ратмир. — Но за мной идут люди, которые твоего мужа не убивали.

— Они идут с тобой.

— Да.

Женщина посмотрела на Младу, на Тихона, на Дану за спиной Любавы. Девочка осторожно держала перевязанную руку. Палагея могла бы отвернуться и закрыть дорогу, как обещала. Вместо этого поднялась и подошла к девочке.

— У Семерых камней у тебя родня?

— Отец. Он держит сторожку у дороги.

— Косма? — спросила женщина.

Дана кивнула.

Палагея тяжело вздохнула. Косма когда-то помогал её мужу чинить этот мост, а после пожара привозил в избу муку, когда соседние земли отказывались обмениваться хлебом через старую межу.

— Девочку пропущу, — сказала Палагея. — И тех, кто идёт ради неё. А ты, Сивый, пойдёшь последним и не сядешь на коня, пока не перейдёшь мой мост пешком.

— Договорились.

Она отступила. На середине мост прогнулся под первой лошадью, но выдержал. Драгун провёл животных по одному; Гостята помогал Дане, пока Любава спускалась с седла. Берест дважды оглянулся на Ратмира и всё же пошёл дальше, ничего не сказав.

Ратмир остался последним. Он ступил на мокрые камни и почувствовал под подошвой шершавые следы инструмента. Когда-то здесь работал человек, погибший по его приказу. Этого воспоминания у Ратмира не отняло ни одно превращение. Он помнил обугленные сосны, дым и свой голос, когда велел идти дальше. Только лица мёртвого, которого не видел, вспомнить не мог.

На дальнем берегу Палагея окликнула его:

— Если найдёшь своего старика за дверью, спроси, зачем людям оставили память, от которой нельзя уйти.

— Спрошу, — сказал Ратмир.

Она покачала головой.

— Не обещай за него ответить. Просто спроси.

В ночь после моста они остановились у заброшенного кормового сарая, который Дана помнила с детства. Внутри лежало свежее сено. Драгун поставил ладонь на стену: доски ещё держали дневное тепло, хотя дверь была забита снегом.

— Подозрительно чисто, — сказал он.

Млада занялась костром. Берест проверил наружный склон, Тихон развязал коням подпруги. Первая лошадь потянулась к сену — и вдруг отпрянула, всхрапнув и мотая головой.

Любава вырвала жёсткий пучок из кормушки, разломила стебель. Из середины показалась чёрная сердцевина.

— Не давать им есть! — крикнула она.

Под сеном обнаружились сухие корни, истолчённые вместе с солью. Соль заставила бы усталых животных потянуться к кормушке; горечь скрыли смолой. Невзор всегда заставлял проверять водопой, и противник это знал. Отраву оставили не в воде, а в том, что первым делом дали бы промёрзшим коням.

Драгун не стал искать виновного у сарая. Он вышел к опорному уступу и увидел растянутый поперёк узкой тропы белый шнур. В снегу за камнем лежали два кожаных мешка, набитых гравием. К ним был подвязан штырь, удерживавший плиту над проходом. Достаточно было потянуться за лошадью, чтобы снять штырь; плита похоронила бы людей у выхода из сарая.

— Они оставили свободное место не для нас, — сказал Драгун. — Для бегущей лошади. Мы бы бросились следом.

Ратмир велел никому не двигаться с места. Драгун обошёл уступ сверху, закрепил собственную верёвку за сосной и отвёл плиту в сторону, пока Тихон держал натяжение. Камень сорвался уже после того, как последний конь прошёл в соседнюю расселину. Внизу долго грохотало. За обвалом вспыхнул и погас одиночный огонь: кто-то ждал, чтобы услышать их крики.

Берест хотел спуститься вслед за светом. Млада остановила его ладонью на перевязи.

— Они приготовили ход для наших лошадей и оставили зверю удобную дорогу к огню. Что приготовили там, мы не знаем.

— Значит, надо взять одного живым, — сказал Берест.

— Возьмём, когда выберем дорогу сами.

Семь коней вышли из расселины к рассвету. Все животные остались живы, но никто уже не верил свежему сену у пустой дороги. Драгун осмотрел упавший штырь. На железной накладке была выбита медвежья морда; такой знак он уже видел на шлемах у осаждённого Белояра. Он оставил тяжёлую железку там, где она упала. Им и без того хватало груза.

После моста дорога ушла между каменных стен. На третий день ветер принёс метель, и кони стали искать твёрдую землю на ощупь.

К вечеру из белой мглы показались три чёрные ели. Под средней висел старый железный колокольчик без языка. Дана узнала место.

— Дальше сторожка, — сказала она. — До неё два подъёма. Мы с отцом в детстве на этих елях верёвку оставляли, чтобы в метель не потеряться.

— Где верёвка? — спросил Драгун.

— Сорвали ещё весной.

Млада нагнулась, осмотрела снег под елями. На белой корке темнела тонкая полоса свежей золы. Кто-то развёл здесь небольшой огонь и потушил его совсем недавно. Между корней отпечатались два следа сапог, один широкий, другой узкий. Третий след уходил от дерева к крутому склону, но не возвращался.

— Остановимся здесь, — сказала Млада.

— До сторожки совсем близко, — возразила Дана.

— Поэтому и остановимся. Сначала поймём, кто уже прошёл к ней.

Невзора с ними не было. Но Драгун спешился, завёл коня под еловые ветви и впервые сам отдал правильный приказ остальным.

— Костра не разводить. Если кто-то ходил к сторожке, пусть не узнает, сколько нас.

В эту ночь они услышали со стороны перевала ровный стук — три раза, с длинным промежутком между сериями. Звук доносился не с дороги, а будто изнутри каменного склона. Дана вскочила, схватила Любаву за руку и повторила счёт шёпотом.

Тихон уже стоял с ножом возле ближайшего дерева. Звериный слух различал и стук, и то, как снег осыпается с ветвей после каждого удара. Он хотел сказать, что это Рожан, но не сказал. Последний раз о трёх ударах им рассказывал возчик, сам не видевший отвечавшего.

Гостята вытащил книжку и провёл на чистой странице три короткие черты. Не написал имени.

Стук прекратился.

Из леса ответил другой звук: один, тяжёлый, глухой удар, словно кто-то на расстоянии поставил каменный столб на землю.

Глава третья. Камень не знает хозяина

Утром удар повторился, на этот раз ближе. Драгун различил его первым, хотя Невзор при жизни уверял, что у юноши из всех чувств надёжнее всего упрямство. Звук пришёл из распадка под верхней елью, откуда Дана показывала дорогу к сторожке.

Ратмир велел оставить коней под прикрытием трёх деревьев. Драгун повёл животных на коротких поводьях; Любава вместе с Даной осталась рядом с ним до условленного свистка. Гостята снял с плеча сумку с книгой и передал девушкам: она мешала пролезать между камнями. Четверо волчьих пошли вперёд пешком.

— Я знаю дорогу, — прошептала Дана.

— Поэтому ты нужна живой, — ответила Млада. — Мы вернёмся, если найдём твоего отца.

Девочка хотела возразить, но Тихон, проходя мимо, показал ей короткий знак рукой — тот, которым они ещё у Ярова Перевоза предупреждали детей не выходить из укрытия. Она поняла не сразу. Потом кивнула.

Сторожку увидели не сразу. Сначала из снега выступила крыша, затем каменная стена с тёмным прямоугольником двери. Ветер намёл вдоль неё сугроб до самого окна. Возле сарая стояла телега без колёс. Кто-то сложил снятые ободы на поленницу, а одно колесо приладил к вороту над глубоким колодцем. Из трубы не шёл дым.

Млада показала вниз: под снегом тянулись две полосы от тяжёлых саней. Их волокли сюда, а потом куда-то дальше, к ущелью. На тропе заметили следы людей в серых плащах, знакомые по Белояру. Один из них ступал на пятку осторожнее другого. Это мог быть раненый у северных ворот, сумевший уйти вперёд.

Берест приблизился к стене и прислушался. Изнутри раздался кашель — человеческий, с мокрым свистом в груди. Потом кто-то заговорил:

— Ночью не открою. Приведите девочку.

Ратмир услышал скрип верёвки. В дверном проёме мелькнул мужчина с окровавленным носом; он был связан за локти и опирался спиной на камень, чтобы не упасть. Перед ним стоял человек в сером, держа за рукоять длинный топор. У пленника был небольшой медный перстень на левой руке — знак сторожа старой дороги, а не княжеского двора.

— Косма, — выдохнула Млада. — Похоже, жив.

Ратмир увидел открытое место перед входом: восемь шагов без единого укрытия. Человек у пленника мог достать его топором прежде, чем кто-нибудь пробежит половину расстояния. Слева от сторожки лежал обломок каменного карниза, под которым виднелся узкий лаз. Тихон посмотрел туда, потом на Береста.

— Я пройду.

— С раной под ключицей? — спросил Берест.

— Ты со своей рукой тоже не станешь дверью.

Ратмир покачал головой.

— Млада займёт наружный выход. Ты пойдёшь по лазу, но не начинай первым. Берест отвлечёт их с дороги. Я останусь здесь, пока не увижу Косму снаружи.

Берест вытащил из сумки сломанную деревянную пластину, подобранную у ворот Белояра. Швырнул её на камни перед сторожкой и громко позвал:

— Эй, хозяева! Здесь у вас дорога платная или только гостей топорами принимают?

Один из серых вышел на крыльцо. В руках у него была не рогатина, а короткая праща с тяжёлым свинцовым шаром. Мужчина держал её натянутой за шнур, словно только и ждал, когда кто-нибудь выйдет на открытое место. Мужчина поднял руку, увидел Береста и прищурился.

— Отходи, здоровяк. Мы берём своё.

— Здоровья мне не хватило бы на такую работу, — ответил Берест. — Своё можно брать и без чужих рук за спиной.

Серый резко развернул пращу. Свинцовый шар ударил в камень под ногами Береста; осколки рассекли кожу у сапога. Он успел уйти в сторону, но второй человек уже выбежал из сарая с арбалетом. Стрела прошла через рукав у плеча и вонзилась в древесину поленницы.

Млада бросила камень в стрелка, заставив его пригнуться, и двинулась к задней стене. Тихон скользнул в лаз. Внутри пахло сухими мышами, смолой и человеческим потом. Он протиснулся между балкой и камнем, не задев раненую ключицу, и вышел за старой печью. По ту сторону стены Косма тяжело дышал. Тихон видел его через щель в кладке: топор у шеи, руки связаны, глаза открыты.

На полке возле печи лежали три обитые железом пластины. Рядом — серые перчатки, мокрый ремень и свернутая карта с красной ниткой на сгибе. Тихон хотел схватить карту, но услышал шаги и спрятался за печную трубу. Мужчина с топором шагнул к Косме.

— Скажи, где оставшаяся скоба.

— Если бы знал, не вырвали бы первую, — прохрипел старик.

— Ты знаешь, как заставить каменного сторожа отойти.

— Он и так отойдёт, если ему вернуть взятое.

— Мне нужна дверь, а не сторож!

Косма поднял голову.

— Тогда ломай дверь сам. Твоим хозяевам людей мало, вот и решили заставить работать камень.

Человек развернул топор. Тихон шагнул из-за печи и бросил нож в кожаную петлю, державшую топор у запястья. Лезвие разрезало ремень, оружие ударилось о край стола и отскочило. Мужчина успел ударить Тихона кулаком в раненую грудь. Боль остановила дыхание; юноша упал на колено, но прижал противника к стене плечом и опрокинул тяжёлую лавку ему под ноги.

Снаружи раздался крик Млады. Двое серых пытались обойти сторожку к нижнему лазу. Берест встретил первого здоровой рукой, ударил локтем по лицу и оттолкнул на сложенные колёса. Второго он не удержал: правая кисть не закрылась вокруг воротника. Тот вырвался и бросился к открытому ущелью с одной из каменных пластин под мышкой.

Ратмир вышел из укрытия, когда увидел Косму в дверях. Старик держался на ногах только потому, что Тихон обхватил его за пояс. Вражеский стрелок уже взводил арбалет на расстоянии двадцати шагов. Млада стояла между ними, прикрывая отход, но не могла быстро переступить через рассыпанную каменную крошку: повреждённое бедро подвело в самом неудачном месте.

Ратмир метнул нож Невзора в стрелка. Тот испуганно дёрнулся, спасая лицо; арбалет повернулся в сторону, и выпущенная стрела ушла в землю. Млада успела добежать до крыльца. Тогда человек у ущелья поднял пластину над головой и ударил по ней железным стержнем.

Гора ответила.

Из-под снежного карниза, за которым уходила тропа к Семерым камням, поднялась широкая каменная спина. Плиты сдвинулись одна по другой, как щиты в старом строю. Между ними показалась тёмная щель, слишком низкая для человека, но достаточно широкая, чтобы в неё вошёл целый ствол. Из неё выскользнула рука с короткими толстыми пальцами и вцепилась в землю.

— Не беги к нему! — закричал Косма. — Он не знает, кто держит знак!

Человек с пластиной не послушал. Он ударил ещё раз. Каменная рука схватила его за ногу. Серый упал, ударившись затылком о лёд, и выпустил пластину. Она покатилась к нижней тропе, оставляя на снегу узкий тёмный след.

Второй каменник не вышел из земли целиком. Он потянулся к стержню, но вместо железа наткнулся на тело. Пальцы сомкнулись. Человек закричал; кость хрустнула так громко, что Драгун под елями услышал звук сквозь ветер. Страж не остановился, пока не нащупал пластину возле камня.

— Зачем их разбудили? — крикнула Млада Космe.

— Они держали старую границу. Вырывают скобы — они идут возвращать своё. А если скоб нет, станут искать там, где когда-то было место!

Каменник начал выбираться к сторожке. Его огромная кисть зацепила нижнюю балку, и крыша дрогнула. Космa ещё не успел отойти от двери. Тихон пытался перетащить его к боковому проходу, но мужчина с топором вырвался из-под лавки и схватил старика за плащ. Все трое рухнули на ступеньки.

Ратмир увидел, как из снежного карниза выпадают первые камни. Если страж поднимется полностью, он обрушит на сторожку весь склон. Снег под копытами оставленных внизу лошадей уже дрожал. Драгун выстрелил сигнальной стрелой — не в врага, а высоко в воздух, предупреждая о необходимости отхода.

Обычным человеком Ратмир не успевал. Он слишком далеко стоял от ступенек, а товарищи, запертые между дверью и каменной рукой, не могли отступить. Спина отзывалась болью от последней битвы; он знал, что новое обращение разорвёт едва затянувшийся рубец. Знал и то, что потеряет ещё одно воспоминание. Выбрать какое — не мог.

— Отходите к нижнему склону! — крикнул он.

— Ратмир! — Млада сразу поняла его решение.

Он снял плащ и бросил к ногам. Кожа вдоль позвоночника разошлась горячей волной, человеческие пальцы выгнулись, когти процарапали промёрзшую землю. Рубаха лопнула у плеч. На несколько мгновений весь мир сузился до собственного хруста костей, а затем развернулся снова — запах мокрого камня, свежей крови, железа на пластине, страха людей за стеной и слабого горького дыма из вчерашнего костра.

Огромный серый волчий воин прыгнул наперерез каменнику. Не пытаясь раздробить камень когтями, Ратмир вцепился в край его плечевой плиты и всей тяжестью повёл стража в сторону от сторожки, к тесному снежному жёлобу. Под звериными лапами треснул наст, но когти удержали его на склоне. Каменник развернулся за ним; тяжёлая ладонь прошла над дверью, не задев её. Тихон воспользовался освободившимся мгновением, протолкнул Косму наружу и отступил следом.

Человек с топором попытался ударить волчьего в спину. Берест успел сдёрнуть его за ворот, однако на этом сила больной руки закончилась. Двое упали в снег; серый вскочил первым и уже занёс оружие. Драгун, добежавший с нижнего склона, выстрелил без приказа. Стрела попала противнику в бедро. Тот упал на колени. Берест отобрал топор и отбросил за сарай.

Каменник продолжал подниматься. Ратмир отступал перед ним по узкому снежному жёлобу, нарочно не сворачивая к людям. Под каменными ступнями ломался наст, сверху сыпались осколки замёрзшей земли. Он один раз ударил стража лапой под локоть, заставив поднять руку и потерять опору. Больше ударов не наносил: даже звериная сила не могла вернуть скобы в прежние гнёзда. Его задачей было увести эту тяжесть от сторожки — и не дать ей раздавить живых.

— Железо! — выкрикнул Космa, задыхаясь. — К верхнему камню! Там место для него!

Млада уже увидела пластину возле раненого. Она попыталась поднять её, но тот вцепился в железо. Девушка ударила рукоятью ножа по его пальцам, отняла пластину и побежала к камню на самом краю прохода. Снег уходил из-под подошв, нога подгибалась. Тихон бросился поддержать её и успел перехватить за локоть перед обрывом.

У камня была узкая щель, забитая льдом. Млада вдавила железо туда, где Косма показал рукой. Стержень вошёл лишь наполовину. Берест, догнав их, поставил на него плоскую сторону топора и ударил левой рукой. Железо звякнуло, ушло до самой шляпки.

Каменник замер. Ратмир стоял между ним и сторожкой, тяжело дыша, с кровью на серой шерсти. Он ещё чувствовал желание рвануться вперёд и разорвать всё, что движется, но перед ним уже не было цели, ради которой стоило продолжать бой.

Страж повернул голову к вставленному железу. Каменные пальцы один за другим отпустили землю. Тело медленно осело обратно в склон. Снег посыпался в новую трещину и начал её заполнять.

Из щели между плитами выходило тепло. Под снегом шевельнулся каменный палец.

— Снова вынут скобу — снова поднимется, — сказал Косма.

Млада приметила щель и увела людей от склона.

Один из серых, лежавших у сарая, пытался отползти. Млада подошла к нему, сняла ремень с оружием и велела Драгуну связать руки. Второй был мёртв, раздавленный каменной ладонью. Третий с раненой ногой звал мать, будто не замечал окружающих. Никто не пытался отвечать ему чужим голосом.

Драгун нашёл нож Невзора в снегу у стены и вернул его хозяину. Ратмир принял нож уже дрожащей звериной лапой, после чего ушёл за сарай и вернулся в человеческое тело. Кости снова сдвинулись, шерсть опала, голая кожа коснулась льда. Он прижал ладонь к груди, пытаясь справиться с кашлем. На спине открылся старый рубец; кровь быстро пропитала плащ, который ему набросил Тихон. Берест присел рядом, прислушался к его дыханию.

— Сначала дыши. Потом будешь командовать.

— Косма?

— Жив. У него руки стёрты верёвкой. Млада перевязывает.

Ратмир кивнул и посмотрел на перевязанные пальцы товарища. Ему вдруг захотелось сказать что-то о Невзоре: не о гибели, а о зимнем переходе много лет назад, когда разведчик впервые провёл их по незнакомому льду. Он хорошо помнил сам переход. Помнил рыхлый снег, голод, едва не сломавшую ногу лошадь. Помнил, что Невзор шёл впереди. Но исчезло одно мгновение, ради которого Ратмир прежде вспоминал эту дорогу: как разведчик, обычно не терпевший похвал, рассмеялся над собственной ошибкой и назвал остальных упрямыми волчатами.

Воспоминание было там ещё вчера. Теперь на его месте оставались сведения о том, что кто-то когда-то смеялся, и больше ничего.

— Что отдал? — тихо спросил Берест.

Ратмир не сразу ответил.

— Его смех. На первом зимнем переходе. Я помню, что он случился. Но самого смеха больше нет.

Выше сторожки, на осыпи, на мгновение показались две фигуры. Один человек поднял к глазу короткую трубку. Второй указал на окровавленный плащ Ратмира и перевязанную руку Береста. Снег скрыл обоих прежде, чем Драгун успел наложить стрелу.

Берест опустился рядом на снег. Он сам помнил о Савелии только имя и пустоту вместо лица; не стал говорить, что понимает. Просто поддержал плащ на чужих плечах, пока дрожь не прошла.

Косма вышел к ним с помощью Млады. Лицо старика посерело от усталости. Он посмотрел на следы звериных лап возле разломанной сторожки, потом на Ратмира, уже человеческого и почти не способного стоять.

— Значит, ты видел, что скоба возвращает сторожа, — сказал он.

— Видел. Зачем они вынули её?

— Им нужна была открытая дорога. Не та, по которой ездят купцы. Та, что проходит под камнем. Когда сторож поднимается, старая преграда раскрывается на несколько ударов сердца. Они пытались попасть внутрь между его шагами.

Косма потянул за обрывок ремня на запястье.

— Я слышал, как они спорили, сколько обращений выдержит Сивый. Один назвал три. Другой сказал: «Для нас хватит двух».

— У Белояра мы отдали железо каменнику, — сказал Ратмир.

— Вы отвели его от живых. Но вынутое железо лежит не в своём гнезде. Значит, чужие по-прежнему могут разбудить сторожа у пустого места, — ответил Косма. — Потому они ищут скобы по всей старой дороге.

— Внутрь куда?

Косма покачал головой.

— К нижнему порогу. До двери ещё далеко. Я внизу не был, и отец мой не был. Мы только сторожили дорогу и не позволяли вынимать железо.

Гостята поднял карту, найденную у печи. На ней действительно были отмечены два пути: обычный, шедший через перевал к Семерым камням, и короткий, обрывавшийся возле нарисованной чёрной полосы. У полосы не стояло ни имени, ни предупреждения. Только три короткие черты и одна перечёркнутая.

— Это нарисовали недавно, — сказал писарь, показывая на царапины на бумаге. — Старой краской отмечен верхний путь. Нижний нанесён углём, поверх складки.

Косма даже не взглянул на чернильные следы.

— Если люди шли снизу, они могли выйти по обе стороны сторожки. Не ищи там, где карта обещает удобную дорогу. Смотри, кому она удобна.

Ратмир посмотрел на пленного у сарая. Тот перестал звать мать и теперь наблюдал за ними открытыми, полными страха глазами.

— Кому приказано вести вас к нижнему порогу? — спросил Ратмир.

— Не знаю имени, — ответил мужчина. — Старик с книгой. Он сказал, что если достанем железо, у него будет дорога к тем, кто ещё помнит свои имена. Мы должны были только открыть путь.

— Где он сам?

— По восточному склону. Два дня назад. Ушёл с тремя людьми, пока остальные держали Косму. Сказал, что вернётся, когда дверь станет слышна.

Сухан увёз книгу Переписи из Белояра. Ратмир взглянул на восточный склон, за которым скрылся старик из рассказа пленного.

Дана подошла к отцу, обняла его так крепко, что тот застонал от перетянутых верёвками рук. Она отпрянула, но он удержал её плечом.

— Ты доехала, — сказал Косма.

— Они забрали дорогу.

— Дорогу можно вернуть. Главное, что тебя не забрали.

Ни один из них не произнёс имени Рожана. Косма только рассказал, что три удара из-за запертой двери действительно слышал прежде. Потом, когда неизвестные принесли железные полосы, стук прекратился. А прошлой ночью кто-то бил по склону снаружи: не три раза, как отвечали из-за двери, а три и один, с долгим промежутком. Слишком ровно и слишком громко. Верить этому звуку было нельзя.

Млада подошла к Ратмиру. На подоле её плаща темнела кровь — не вся чужая. Она посмотрела на нижний проход, где под осевшим каменником зияла узкая щель, и покачала головой.

— Сейчас вниз не пойдём. Твою спину надо зашить. Косма едва держится. Бересту снова нужна перевязка.

— А если тот, с книгой, уже прошёл?

— Значит, нам нужно догнать его живыми, — ответила она. — И не потерять ещё кого-нибудь на первой же двери.

Ратмир велел переносить раненых в сарай.

Когда они перенесли раненых в уцелевший сарай, Драгун обнаружил у нижней тропы следы ещё одной пары ног. Свежие. Маленькие. Они шли от склона к сторожке, пересекали отпечатки каменной руки и исчезали возле колодца. Драгун долго смотрел на них, затем позвал Тихона.

— Эти следы появились после боя. Мы все были у дома. Кто сюда ходил?

Тихон присел. Снег на краях ещё не успел покрыться коркой. След был человеческий, узкий, босой. И в каждом отпечатке вместо пяти пальцев виднелись четыре.

Из глубины пустого колодца донёсся тихий скрежет железа о камень.

Тихон встал и медленно отступил от края.

— Драгуна к остальным, — сказал он. — Сюда никто больше не подходит.

Он не знал, кто прошёл по снегу, пока каменник оседал под горой. Влажный след возле колодца уходил под камень. Тихон ощутил под подошвами слабую дрожь — внизу кто-то двигался.

Глава четвёртая. Четвёртый удар

Колодец молчал, пока к нему не подошла Млада.

Она шла осторожно, ставя больную ногу на пятку. Драгун привязал к жерди факел, но огня не зажигал: сухая пакля осталась на случай, если внизу окажется не вода, а старый ход. От колодезного ворота тянуло ржавчиной и чем-то тёплым, как от только что погасшей печи. На снегу вокруг каменного кольца отпечатались два босых следа. В обоих — по четыре пальца. Следы начинались посреди открытого места, где накануне стоял каменник; не было ни отпечатка ладони, ни колеи, ни царапины от ползущего человека.

— Либо он вышел прямо из земли, — сказал Драгун, — либо мы пропустили его у всех на глазах.

— Я бы предпочла второе, — ответила Млада.

Косма попросил принести его из сарая. Старик едва спустился с порога; связанные руки распухли, кожа на запястьях местами отошла. Дана подложила ему под локоть свёрнутый ремень.

— Здесь раньше не было колодца, — сказал Косма.

Драгун посмотрел на каменную кладку, чёрную от старости.

— А что же было?

— Колодезный сруб. Кольцо сделали лет сорок назад, когда оползень унёс верхнюю дорогу. Воду отсюда никогда не брали. Дед велел накрыть бревном и не снимать. Потом приехали новые хранители, решили, что дед боялся обыкновенной ямы. Бревно сгнило. Я поставил ворот.

— Ты сам заглядывал?

— Один раз. Верёвка спускалась сорок локтей и не достигала дна. Я не стал проверять, какой глубины мой страх.

Тихон стоял возле колодца спиной к ветру. Он слышал далеко внизу короткое царапанье, затем — дыхание. Не человеческое: слишком редкое, прерывистое, будто дышащий забывал, что должен делать это снова. Когда Любава окликнула его из сарая, он обернулся лишь на второе слово, увидев её у двери. От одного голоса он теперь не мог понять, что зовут именно его сестра. Она дождалась его взгляда и подняла ладонь: всё в порядке, раненый Ратмир спит.

— Не спускаемся, — сказал Тихон.

— Тогда узнаем, кто оставил следы, когда он выберется к нам, — возразил Драгун.

Млада присела у края. Её привлекла не глубина, а железная полоска, протянутая под ободом. Полоска была тоньше дорожного ножа. На одном конце виднелась свежая зарубка, на другом — загнутый зубец. Такой же зубец они видели на пластине, за которую дрались у сторожки.

— Ворот переделали, — сказала она. — К нему что-то цепляли снизу.

Косма перестал тереть запястья.

— Они хотели вытянуть нижнюю скобу. Не нашли входа через каменника и полезли колодцем.

Изнутри донёсся металлический звук. Не удар. Тонкий звон, словно железной ложкой провели по краю пустой чаши.

Тихон схватил Драгуна за куртку и оттащил его от кольца. В следующую секунду из темноты вылетел кусок проволоки с маленьким крючком. Крючок зацепился за рукав Драгуна, разодрал ткань и исчез обратно. Ветер от него был тёплым.

— Живое? — выдохнул юноша.

— Удочка, — ответила Млада. — На нас.

Она срубила верёвку ворота. Снизу тут же натянулось железо, и столб с колесом заскрипел. Кто-то тянул в противоположную сторону. Доски над срубом приподнялись на толщину пальца.

Косма прошептал:

— Не дайте ему ударить четыре раза.

— Кому? — спросила Млада.

Но старик уже смотрел на тёмную щель между досками.

Первый удар раздался под землёй, глухой и длинный. Снег на крыше сарая дрогнул.

Второй пришёл снизу, а откликнулся где-то далеко в горе. На каменном склоне посыпались сухие иглы елей.

Третий удар был тихим. Млада почувствовала его скорее больным бедром, чем слухом.

Драгун поднял топор, готовясь перерубить железную полоску. Млада удержала его.

— Если она держит крышку, откроем сами.

Тихон опустился на колени. Из щели шёл шёпот — слова, которые будто произносили сразу несколько людей, но ни одно не доходило до конца. Один голос звал мать, другой считал до девяти, третий сдавленно смеялся. Он отстранился. После прошлого превращения голос Любавы перестал быть для него узнаваемым; теперь чужие голоса внизу казались нарочно собранными так, чтобы каждый нашёл среди них своего.

— Это не Рожан, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Он бы не звал тебя моим голосом.

Под досками прошуршало что-то тяжёлое. В просвет вытянулась бледная рука — человеческая, с обломанным ногтем на большом пальце. Её хозяин попытался подтянуться; из-под кольца показалась половина лица, стёртая каменной пылью. Взгляд был живым. Лоб — в засохшей крови. На одной ноге человек носил обрывок чулка, другая была босой; на каждой ступне не хватало крайнего пальца.

— Не бейте, — выговорил он. — Я последний держал пластину. Я не могу больше.

В руках у него дрожало небольшое железное кольцо, привязанное проволокой к поясу. Он протянул его наверх. Млада не взяла.

— Кто ты?

— Тимша. С верхней лесосеки. Меня заставили лезть за железом. Сказали, отведу их к дверям — вернут брата.

— Где брат?

— Не знаю. Он ушёл с тем, у кого книга. — Человек сглотнул. — Помогите вылезти. Я слышу, как они считают там, где никого нет.

За его спиной снизу заскрежетало камнем о камень. Тимша вздрогнул и вцепился в край кладки обеими руками. На ногах у него действительно было по четыре пальца: наружные давно срезаны грубым ножом, шрамы белые и стянутые.

— Кто это сделал? — спросила Млада.

Он дёрнул плечом.

— Чтобы на плитах не оставалось обычных следов. Так сказали. Мне велели ходить перед ними босиком, чтобы стражи принимали след за свой.

Косма побледнел.

— Стражи не считают пальцев, — сказал он. — Они слышат железо. Вам солгали и про это.

Тимша открыл рот, но из глубины вновь пришёл скрежет. Кольцо на его поясе натянулось. Кто-то снизу тащил его назад.

— Драгун, петлю! — приказала Млада.

Юноша бросил ремень. Тихон лёг поперёк сруба, уцепился за край Тимшиного тулупа. Боль в старой ране под ключицей ударила так, что на мгновение потемнело в глазах. Но он удержал человека. Млада перерубила проволоку у пояса. Не само кольцо — только соединявшую его с нижним грузом нить. Из глубины раздался короткий злой лязг. Тимшу вытащили на снег.

Он рыдал без звука, прижимая колени к груди.

Снизу поднялся четвёртый удар.

Не успев прозвучать, он упёрся в обрезанную проволоку. Колодезный ворот выгнулся дугой; тяжёлый камень ударил по доскам изнутри, и крышка лопнула. Силы удара хватило, чтобы Драгун слетел со ступени. Млада подставила ему плечо и оба упали в снег. Из колодца вырвалось облако серой пыли. В ней на миг проступил округлый каменный бок, не похожий ни на человека, ни на знакомого стража. Потом всё осело обратно.

Косма закрыл глаза.

— Порог не открылся, — сказал он. — Но теперь знают, откуда его можно достать.

Ратмир вышел из сарая, придерживая окровавленную повязку на спине. На нём был чужой тулуп, слишком короткий в рукавах. Он застал стаю вокруг человека с изуродованными ногами и обломки ворота в снегу.

— Кто он?

— Живой, — ответил Тихон. — Пока этого хватит.

Тимша приподнял голову. Взгляд его остановился на шраме Ратмира.

— Тебя велели не подпускать к нижней двери. Сказали, если Сивый войдёт, железо услышит, как он называл себя раньше.

Ратмир нахмурился.

— Кто велел?

— Старик с книгой не показывался нам. Только его люди. Один говорил, что старик уже нашёл девятый замок. Другой — что это ложь, он ищет человека, который должен сказать последнее слово.

— Куда они ушли?

Тимша показал на восточный склон, туда, где снежные карнизы ещё держались на тёмной скале.

— К Красной теснине. Они взяли моего брата, когда я не смог достать скобу. Если я вернусь без железа, его заставят лезть вместо меня.

— Как зовут брата?

— Федя. — Тимша зажмурился. — Это имя пока помню.

Ратмир посмотрел на Косму. Тот качнул головой: нижний ход под колодцем был повреждён и мог обрушиться от нового удара. За тесниной лежала обычная горная тропа; по ней могли идти люди, лошади и пленные. Они ещё не знали, ведёт ли она к самой двери.

— Пойдём по верху, — сказал Ратмир. — Не потому, что там безопаснее. Потому что за ними уводят живого человека.

Тимша попытался встать. Ступни не держали его. Любава, подошедшая с тёплой водой, накрыла ему босые ноги шерстяными обмотками.

— Ты останешься с Космой. И расскажешь, где тебя взяли, когда сумеешь, — сказала она.

— Они меня найдут.

— Тогда сначала найдут нас, — сказал Берест из-за её плеча. — Нам тоже кое-кого нужно спросить.

К вечеру к сторожке пришли двое дозорных с соседней лесосеки. Их вызвали утром сигнальным рогом Космы, ещё до того, как вся стая собралась у колодца. Они принесли муку, запас верёвки и деревянные щиты, которые ставили на опасных склонах. Косма знал обоих с

детства. Пленных серых, оставшихся после боя, связали для доставки к нижней заставе; Тимшу поместили у печи, под присмотром Даны и дозорных.

Дана сначала потребовала взять её в теснину: по тропе она ходила летом за морошкой. Потом увидела, как отец не может поднять чашку обеими руками, и сама отложила дорожный узел.

— Я останусь, пока у него снова не будут слушаться пальцы, — сказала она Ратмиру. — И пока не узнаем, кто стучит снизу.

Драгун получил записанное Гостятой описание восточных поворотов. Любава дала Дане ещё одну чистую дощечку.

— Если придёт кто-то с именем Рожана, не соглашайся, что это он, только потому, что назвался, — попросила она.

Дана кивнула. Взгляд у неё был старше пятнадцати лет.

В сумерках Ратмир, Млада, Берест, Тихон, Любава, Гостята и Драгун вывели коней за сломанный ворот. Дана осталась у сарая, поддерживая отца за локоть; за их спинами Тимша дремал у печи.

По мере подъёма хруст снега сделался звонче. Тихон несколько раз оборачивался к сторожке, пока не перестал различать огонёк её окна. Он не говорил об этом сестре, но ему всё ещё слышались чужие голоса из колодца. В одном был смех ребёнка, которого никогда не существовало.

Внизу, под каменной крышкой, больше не били. Зато на дальнем восточном склоне один раз мелькнул огонь, закрытый чьей-то ладонью.

Ратмир остановил коня. Свет погас сразу, как только он посмотрел в ту сторону.

— Нас видят, — сказал он.

— На этот раз даже не прячутся, — ответила Млада.

Снег у края тропы был вытоптан не сапогами. По склону тянулся запах мокрой шерсти и старого железа — густой, горький, как кровь на зубах. Берест поднял голову раньше остальных. Тихон застыл, втянув воздух; его раненая ключица отозвалась напряжением всего плеча.

— Наш, — выговорил Берест. — Не из нашей стаи.

На противоположном склоне среди чёрных елей стоял огромный двуногий зверь. Его шея казалась сломанной под тяжёлым обручем, на уровне плеч тянулась тонкая цепь. Даже издали было видно, как он дрожит, удерживаясь на двух ногах. Потом из-за ствола показалась человеческая ладонь с коротким железным поводом. Зверь повернул голову и сделал шаг в сторону стаи.

— Он ранен, — сказал Тихон. — Нужно снять железо.

Берест уже перекинул здоровую руку через седло. Млада заслонила тропу палкой.

— Видишь, куда он смотрит? На тебя. Не на дорогу и не на людей за тобой. Его привели показать нам, что мы можем спасти своего. Теперь ждут, когда ты бросишься.

— А если оставить, его убьют.

— Возможно. Но здесь у нас семь человек, раненый Ратмир и две тропы. Сверху стреляют. Снизу лежат капканы — я слышу, как у них щёлкают пружины. Пойдёшь один — получат тебя. Пойдём все — получат Косму и Тимшу.

Млада не отступила. Берест смотрел на зверя так долго, что Ратмир услышал скрип зубов. Внизу раздался короткий металлический звон. Неизвестный волчий медленно опустил голову, будто кто-то стиснул ему горло. Его увели за ели, не сделав ни одного выстрела.

Берест не сказал ни слова. Ночью, когда товарищи спали в расселине, он долго сидел напротив Ратмира.

— В следующий раз я за ним пойду, — сказал наконец Берест.

— Когда мы решим, как снять обруч, — ответил Ратмир. — Не раньше.

Глава пятая. Красная теснина

У Красной теснины снег лежал поверх сухой рыжей пыли. Ветер выдувал её из трещин так тонко, что издали казалось, будто камень кровоточит. Дорога здесь шла не в гору и не вниз, а поперёк обрыва. По одну сторону стояла гладкая стена; по другую снег обрывался в бурый туман. Драгун проверил край шестом. Шест ушёл до половины длины, не встретив твёрдой земли.

— Оставим коней у последней ели, — сказал он.

— Их услышат, — заметил Берест.

— А на тропе услышат, как они падают.

Ратмир согласился. Сил после обращения у него было немного. Перевязанная спина болела, когда он садился в седло; пешком было легче, пока не приходилось наклоняться. Драгун привязал коней поодаль в защищённом распадке, оставив им сено, и поставил две ветки поперёк ведущей к нему тропы — знак, что обратный путь надо искать левее. Они не хотели блуждать при возвращении.

На снегу обнаружились следы шести человек. Один шёл короткими шагами, постоянно сбиваясь к стене; другой оставлял длинные борозды каблуков, будто его тащили. Млада опустилась на колено, потрогала крошки красного камня в отпечатке.

— Вели пленного. Сам не хотел идти.

Гостята присел рядом.

— Федю?

— Здесь никто не писал имени на снегу. Лучше узнать, пока он жив.

Тихон зацепил ремнём ножны, чтобы они не стучали о скалу. Ветер доносил голоса. Он различал отдельные слова, но не мог понять, как далеко стоят люди: звук отражался от двух стен и возвращался с другой стороны. На первом повороте чужой разговор умолк. Стая остановилась одновременно.

За перегибом скалы виднелась длинная деревянная галерея, подвешенная на цепях. Раньше по ней возили руду из узкого карьера. Теперь настил починили свежими досками; у стены лежали три бочки с песком и две связки железных скоб. За галереей начиналась площадка с крытым навесом. Под ним стояли четверо вооружённых людей. Пятый держал за ворот подростка в серой рубахе.

Подросток не пытался вырываться. Он смотрел не на стражу, а на собственные босые ноги. На каждой не было мизинца.

— Брат, — выдохнула Любава.

— Не кричи, — сказал Тихон.

Он больше не мог узнать голос сестры, если не видел лица, но её дыхание рядом научился различать по тому, как она замирала перед опасным словом. Сейчас он понял: она сказала это не Феде, а себе.

На другом конце галереи стоял воин с белым полотнищем на копье. Полотнище не походило ни на флаг мира, ни на знак Белокрылых: на нём был вышит пустой круг, а внутри — одна короткая черта.

— Не нашивают поверх старого герба, — прошептал Гостята. — Сделали новое знамя.

Выше площадки, где галерея привязывалась к скале, стоял человек в узком шлеме, украшенном бронзовой медвежьей мордой. Изображение не было знаком лагеря Лютобора — у того медведь занимал всё знамя. Здесь морда была маленькой, приклёпанной у лба, словно её владелец считал зверя личной добычей.

Воевода не смотрел на пленника. Его взгляд переходил с одного уступа на другой и задерживался там, где снег был примят на ширину человеческой ступни. Он первым заметил Дра-

гуна. Затем бесшумно поднял два пальца. Внизу ни один стражник не повернул головы, но между бочками легла тень арбалетчика.

— Видишь медведя? — прошептала Млада.

— Вижу, — ответил Драгун. — Он смотрит не на нас. Он смотрит, куда мы пойдём.

Человек в шлеме повернулся к солдату у галереи. — Узкую часть оставь им. У кого плечи шире, тот там и застрянет, — сказал он. И спокойно пошёл вниз, не вынимая меча.

— Сколько здесь людей? — спросил Ратмир.

— Пятеро, — ответил Драгун. — Ещё двое за навесом: вижу две пары сапог под пологом.

— Хорошо, — сказал Ратмир. — Теперь ты считаешь и тех, кто прячется.

Берест провёл пальцами по обгоревшей верёвке, натянутой вдоль стены. Если перерезать её, под тяжестью настила опустится первая часть галереи; если оборвать обе цепи, вся дорожка полетит вниз. Он уже хотел предложить это, но заметил, где стоит Федя.

— Мост мы ломать не будем, — сказал он. — Он первый упадёт.

Ратмир вдруг заметил, что железные скобы на настиле были вбиты не там, где требовался ремонт. Две поднимались зубцами вверх из-под доски, третья пряталась возле правой цепи. Человек в зверином облике сорвал бы на них кожу ещё до середины моста. Это была не защита от разбойников и не обычная сторожевая хитрость: ловушку ставили под размеры волчьего воина.

Млада смотрела не на настил, а на три бочки. За ними виднелся узкий служебный проход; человек мог пройти к навесу, прижавшись к скале. Даже с раненым бедром ей хватило бы сил добраться туда, пока враг смотрит на галерею.

— Я пойду слева, — сказала она.

— Трое на твоей стороне, — предупредил Драгун.

— Тогда ты сделаешь так, чтобы двое смотрели на тебя. Третий — мой.

Ратмир снял с плеча пустой колчан Невзора. Вместо стрел в нём лежали моток верёвки и две деревянные распорки. Невзор всегда брал лишнюю верёвку туда, где остальные видели только ровную дорогу. Ратмир передал её Бересту.

— Если Федя побежит, удержишь его на мосту. Не сбрасывай человека вместе с досками.

— Буду нежнее медведя, — буркнул Берест.

Ратмир посмотрел на Драгуна.

— Два выстрела. Первый в цепь сигнального колокольца. Второй — только если увидишь нож у горла мальчишки.

— В цепь далеко, — сказал тот.

— Тогда подойдёшь ближе.

План успели выполнить наполовину.

Драгун уже нашёл место у скального уступа, когда со стороны нижней тропы поднялся снежный вихрь. Воздушный столб шёл прямо на галерею, но не разносил пыль; напротив, собирал её в плотный рыжий шнур. Один из стражников бросил под ноги Феде железную пластину и приказал наступить.

— Не хочу, — сказал мальчик.

— Наступишь — отпустим брата, — ответил старший.

— Я его не видел с осени. Вы мне это уже говорили.

Воин ударил Федю по затылку. Мальчик не упал: стражник держал его за ворот. Но он поставил пятку на край пластины. Пыль над галереей резко потемнела. По краям настила поднялась мелкая галька, каждая на высоту пальца.

— Они будят не каменника, — выдохнула Млада. — Они зовут что-то из стены.

Из навеса вышла женщина с серебряной полосой на запястье. На лице у неё была плотная матерчатая повязка, закрывавшая рот и нос. Она подняла доску с девятью вырезанными углублениями. Семь были пусты; в двух лежали белые камешки.

— Начинай, — сказала она стражнику. — Когда человек назовёт себя, стену можно будет провести.

Ратмир почувствовал, как Берест рядом напрягся. Слово «провести» прозвучало странно, словно говорили о лошади, а не о горе.

Драгун выстрелил. Стрела ударила в цепочку колокольца и оборвала её у нижней скобы. Бронзовый язычок выпал на доски. Стражники обернулись на звук. Млада уже бежала по служебному проходу, пригнув голову. Первый заметил её только тогда, когда в его колено вонзился короткий нож. Он упал у бочки, перевернул её; песок высыпался на настил.

— Волчьи! — крикнул кто-то.

Берест выскочил на галерею первым. Под его шагами заскрипели свежие доски, зато широкий щит, поднятый здоровой рукой, заслонил Федю от арбалетчика на дальнем конце. Стрела с треском вошла в дерево. Берест ударил щитом по перекладине, заставил стражника отступить и протянул к мальчику левую руку.

— Пойдём. У меня сегодня хороший день: никому пока не пришлось объяснять, за что я получаю жалованье.

Федя не поверил ни слову. Зато увидел, что берестова правая рука висит в перевязи, и схватился за край щита. Его рвануло вперёд.

Женщина с доской подняла два пальца. Рыжий вихрь вдруг опустился между Берестом и Ратмиром, отрезая их друг от друга. В пыли засверкали тонкие медные нити. Тихон попытался прорваться следом, но нить ударила по камню возле его лица и оставила там красную раскалённую царапину.

— Не трогай! — закричал Космин голос.

Тихон резко повернулся. На уступе никого не было. Голос шёл из вихря, без горла, без человека. Он услышал другое: Любава зовёт его тем детским прозвищем, которого уже не помнил. Рефлекс заставил его сделать шаг. Потом он увидел настоящую Любаву справа — она лежала за камнем и показывала руками: назад.

Он послушался не голоса, а её лица.

Млада тем временем добежала до женщины с доской. Они столкнулись у входа под навес. Та отступила, не выпуская камней, и ударила Младу ребром доски по больному бедру. Боль прострелила до поясницы; Млада упала на колено. Женщина подняла второй камешек.

— Ты слышишь старое, — сказала она. — Можно сделать, чтобы больше не болело.

— Тогда кто будет помнить, почему болит? — выдохнула Млада.

Она рванула вверх рукоятью ножа, разбила деревянную доску поперёк двух углублений. Камешки выпали в песок. Рыжий вихрь распался на отдельные полосы, и одна из них ударила в навес. Загорелась просмолённая ткань.

На галерее хрустнула опора.

Федя уже добрался до половины моста, когда стражник, до того скрывавшийся за пологом, схватил его за рубаху. Берест повернулся и ударил щитом, но попадание пришлось по цепи. Железное звено разошлось. Галерея просела с дальнего конца.

— Ко мне! — крикнул Ратмир.

Берест не мог одновременно удержать щит, мальчика и весь настил. Он выбросил щит за перила, ухватил Федю за ворот здоровой рукой и толкнул к Ратмиру. Мальчик проскользил по наклонённым доскам и врезался ему в грудь. Ратмир едва устоял: спину пронзила боль, будто шов разошёлся снова.

Драгун и Гостята дёрнули натянутую верёвку. Они закрепили её за каменным выступом, когда начался бой, и теперь верёвка удержала Береста на мгновение дольше падавшей галереи. Он перехватил её левой рукой; правой хватило лишь прижать локоть к груди. Под ногами обвалились доски. Внизу зашумело что-то невидимое, влажное и тяжёлое.

— Тянешь? — крикнул Тихон.

— Нет, я здесь качаюсь ради красоты!

Тихон и Драгун потянули верёвку вместе. Любава упёрлась ногами в скалу и помогла им. Берест выбрался на камень, оставив в пропасти сапог. Ветер унёс его шутку прежде, чем он успел закончить.

Млада появилась из горящего навеса с обожжённой до локтя рукавицей. Женщина с серебряной полосой исчезла за боковым проёмом вместе с двумя стражниками. За ней гнался не волк, а огонь: красная пыль на стене вспыхивала короткими полосами там, где касалась дыма.

— Не преследовать! — крикнула Млада. — За ней провал.

С той стороны крикнули трубой. Воевода в медвежьем шлеме вышел на открытый край уцелевшей площадки; за его спиной стояли три свежих стрелка. Одна стрела ударила в верёвку, на которой ещё висел край галереи. Вторая попала в мешок Гостяты. Лямка лопнула, в пропасть ушли запасные тетради и хлеб на несколько дней. Третья пронзила крепление двух коротких копий, оставленных у камня; обе рукояти свалились вниз вместе с доской.

Берест поднял здоровую руку, готовясь бросить в противника камень. Воевода даже не пригнулся.

— Сивый! — крикнул он через разлом. — Твой зверь слишком велик для такой дороги. А людская кожа у тебя уже рвётся. Я это видел у сторожки.

— Кто ты? — потребовал Ратмир.

— Куден, — ответил человек. — Пехотинцев от медвежьей земли учил ходить Лютобор. Меня учили ждать, пока чужая сила сама упрётся в стену.

Он ударил рукавицей по бронзовой морде на шлеме, и в дальнем проломе сомкнулся заслон. Стая удержала Федю, но пройти за Златоярой уже не могла. Пока Берест искал место, где поставить ногу, люди Кудена снимали оставшиеся канаты и уходили с противоположной стороны.

— Мы победили? — спросил Федя, глядя на обгоревшие доски.

Ратмир посмотрел на оборванные ремни, на пустой мешок Гостяты и на дым за проломом.

— Ты жив, — сказал он. — Это наш сегодняшний выигрыш. Дорогу и припасы взял он.

Драгун запомнил, как Куден трижды стукнул ножнами о камень перед уходом. Это был не приказ своим. Это было сообщение тем, кто ожидал стаю на следующем перевале.

На площадке уцелели две бочки песка, три изломанных доски и обугленная сумка. Федя сидел на камне, прижимая колени к подбородку. Он видел, как враги ушли, и всё равно не поднимал головы.

Любава подала ему воду.

— Ты помнишь своё имя?

— Федя. Федот. — Он подумал. — Тимша меня зовёт Федей.

— Этого достаточно. Теперь ты можешь идти с нами, пока не решишь иначе.

Он покосился на горящий навес.

— Они сказали, что под дверью можно получить человека назад. Любого. Даже мёртвого.

Ратмир посмотрел на него.

— Кто сказал?

— Женщина. С доской. Она сказала, что тех, кого не успели похоронить, ещё можно вернуть. Только сначала надо назвать человека так, как его больше никто не помнит.

Берест стоял рядом, перевязывая ладонь. Он не взглянул на Ратмира, но тот понял, о ком каждый из них подумал. На могиле Невзора лежал снег. И никакой голос из камня не имел права обещать им обратного.

В обугленной сумке Гостята нашёл пять железных зубцов разной формы и кусок коричневой ткани с выжженным знаком — девять коротких линий вокруг пустой середины. Бумаг не было. На ткани пахло горячим металлом и горькими травами.

— Они не открывали дверь, — сказал Ратмир, разглядывая зубцы. — Они проверяли, сколько людей можно заставить назвать себя.

— А мы сорвали проверку, — отозвалась Млада.

— Сегодня. Они ушли с частью железа.

К ночи стая нашла каменный козырёк, под которым можно было развести маленький огонь. Путь назад к коням оставался цел, хотя галерея рухнула; к востоку пониже карьера уходила старая рудничная тропа. Федя обещал показать, где женщина со знаком выводила людей на ту тропу, но только утром, при свете.

Гостята перечитал вслух имена семерых путников. Каждый ответил сам. Федя назвал себя последним, тихо, зато без подсказки.

Ратмир не заставлял его повторять. В тёмной скале напротив навеса кто-то трижды стукнул железом. Тихон поднял голову.

Четвёртого удара не последовало.

Глава шестая. Те, кого не спрашивали

Утром Федя отказался вести их восточной тропой.

Он стоял под каменным козырьком в чужих сапогах. Из голенища одного торчала сухая трава: мальчик набил её туда вместо стельки. Когда Ратмир показал на подъём, Федя покачал головой так отчаянно, будто за ним уже тянулись руки.

— Я могу рассказать, куда они ходили. Но обратно туда не пойду.

— И не надо, — сказала Любава.

— А если неправильно расскажу?

Драгун присел, чтобы видеть его глаза.

— Покажешь пальцем с вершины. Потом я отведу тебя к Тимше и Косме. Твой брат ждёт в сторожке.

— Ты сам видел?

— Вчера видел. Сегодня не знаю. Потому и пойдём скорее.

Федя вытянул ремешок с медной застёжкой. Ему выдавали этот ремень, когда отправляли на железную пластину в Красной теснине. Драгун хотел бросить находку в сумку, но мальчик попятился.

— Они по нему находят меня. Сожгите.

Гостята уже достал книжку. Млада мягко опустила ему руку.

— Сначала мальчика перестанут находить. После запишешь, что сумеешь.

Ремень бросили в огонь. Берест, стоявший на колене у костра, смотрел, пока не прогорела последняя кожаная петля. Правое предплечье у него снова кровоточило. Он перевязал его левой рукой и вышел первым, чтобы Федя не видел, как трудно ему затянуть узел.

Драгун ушёл на запад с мальчиком. Шестеро остальных поднялись по старой рудничной тропе. К полудню до них донёсся не звон железа, а человеческий спор — громкий, усталый, с одинаковыми ругательствами по обе стороны.

На открытой площадке над карьером стояли две телеги. Человек двенадцать, мужчины и женщины, толпились возле них с пустыми носилками. Никто не работал. Двое солдат в серых плащах держались за оглоблями, третий перегораживал дорогу с копьём. Посреди площадки сидела пожилая женщина в полотняной рубахе и не позволяла никому дотронуться до железного ящика.

— Вчера вы забрали троих, — сказала она. — Теперь забирайте камень сами.

— Троих перевели к восточному порогу, — ответил солдат. — Вас не спрашивают, где трудиться.

— А я не спрашиваю, где велели умереть.

Берест едва заметно усмехнулся. Ратмир придержал его за здоровую руку. Женщина уже видела их; теперь смотрели все. Третий солдат поднял копьё.

— Назад. Это рабочий двор.

— Тогда почему никто не работает? — спросила Млада.

— Отказались. Их дело.

— Имеют право, — сказала Любава.

Солдат с копьём повёл наконечником в её сторону. Тихон встал рядом с сестрой, но не обнажил нож. Он видел, что в тесноте за него первым схватится кто-нибудь из рабочих.

Женщина поднялась. Руки у неё дрожали, однако голос оставался ровным.

— Меня зовут Елиса. Я кладу камень. Класть слова в чужие рты не умею. Меня держали под нижними столбами и велели сказать, что мой сын сам ушёл на восток. Я отказалась. После этого его и увели.

— Сын жив? — спросила Любава.

Елиса посмотрела на неё долгим взглядом.

— Не знаю. Вот и вся правда, которую я могу тебе дать.

За телегой хлопнула дверь переносного навеса. Оттуда вышла женщина с тонкой серебряной полосой на запястье. Млада узнала её сразу: в Красной теснине эта женщина заставляла Федю стоять на железной пластине. На этот раз она не держала оружия. Один конец серебряного браслета оттягивал кожу, будто металл прирос к ней.

— Златояра, — назвал её солдат. — Прикажи им идти. До темноты должны спуститься две повозки.

— Я приказала утром, — сказала она.

— Значит, плохо приказала.

Златояра увидела волчьих. Застыла и коротко оглянулась на единственную дорогу вниз. Та была открыта, но стражники уже начали огибать телеги.

— Уводи их, — бросил ей солдат. — Иначе отправим всех к нижнему колесу.

— Если отправите, там никто не поднимет камень, — возразила Елиса.

— А тебе какое дело? Завтра привезём других.

Из-за телеги вышел молодой каменотёс. Ладони у него были изрезаны мелкими рубцами, на шее болталась пустая железная защёлка. Он встал рядом с Елисой и положил на землю обломок глиняной формы.

— Нас не за камнем держат, — сказал он. — Камень вывозят раз в неделю, а эту форму заставляли менять каждый вечер. Делали железо по человеческому горлу. Потом привели зверя и велели проверить, сколько он выдержит.

Златояра резко обернулась. — Молчать.

— Вы хотели, чтобы я молчал, когда на моём столе завывал живой, — ответил он. — А потом сказали: работай, иначе твою дочь возьмут вместо мастера.

Он поднял форму повыше. На внутренней поверхности были видны два ряда углублений для зубцов. Они должны были входить в плоть при каждом рывке зверя; человек, изготовивший форму, знал размеры волчьей шеи не по рассказу.

Берест не двинулся. Он вспомнил фигуру под елями и понял, почему чужой волчий дрожал даже в неподвижности.

Ратмир почувствовал, как у него под лопатками натянулась рана. Ему хотелось сбить солдата с ног и вывести людей в снег. Но за спинами рабочих теснились их семьи. У одного рабочего на груди висел маленький мешочек с детскими волосами. Женщина у телеги прижимала к себе связку ключей. Они жили поблизости; за них могли взяться, когда стая уйдёт.

— Кто останется отвечать за их семьи? — спросил он солдата.

Тот хмыкнул.

— Ты, наверное. Ты же волчий герой.

Млада подняла подбородок в сторону Елисы.

— Мы можем закрыть тропу и увести вас сегодня. Кто пойдёт?

Поднялась одна рука, потом опустилась. Никто не сдвинулся с места. Елиса даже не посмотрела на тропу.

— Если все уйдём, они заберут детей из селения внизу. На прошлой неделе так уже сделали. Ты сумеешь остаться здесь на месяц и защищать их?

Млада промолчала.

— Вот и не обещай того, что не можешь дать.

Солдат шагнул к Елисе и схватил её за локоть. Она не вырвалась; только вцепилась второй рукой в край ящика. Из-за спины другого рабочего донёсся треск. Тот переломил собственный деревянный носилочный шест пополам и положил обломки на землю. Следом бросили носилки ещё двое. Отзвук прокатился по двору громче команды.

— Уберите это, — приказал солдат.

Никто не нагнулся.

Две женщины подошли к гонгу и сняли с него деревянный язык. Третья разожгла печь под пустым варочным котлом — не для работы: она собиралась расплавить в нём привязанные к воротам железные метки, по которым стража считала семьи рабочих.

Солдат ударил Елису древком под колени. Она рухнула в снег; Златояра дёрнулась, но не успела дойти. Берест перехватил древко левой рукой. На мгновение двое мужчин оказались совсем близко: один с железом, другой с забинтованной рукой и запахом крови под кожей.

— Ещё раз, — сказал Берест. — Попробуй.

Солдат выпустил копьё, выхватил нож. Берест ударил его плечом в тележное колесо. Нож не вышел из ножен; колесо ударилось о подпорку и сдвинулось вниз по склону. Вслед за телегой рванул второй стражник, пытаясь удержать оглоблю. Рабочие отскочили. Железный ящик упал боком, цепь на нём лопнула.

— Держите борт! — крикнула Млада.

Она кинулась не к стражникам, а к Елисе: телега каталась прямо на неё. Два рабочих подхватили женщину под мышки, Тихон вставил лом между камнем и ободом. Оглобля прошла над его головой и застряла в расселине. Вторую телегу люди оттолкнули к стене сами, пока никто не успел приказать.

За обломками поднялось облако белой пыли. Третий солдат хотел ударить в подвешенный тревожный гонг. Златояра вцепилась ему в запястье.

— Не надо. За звон отвечаю я.

— Тогда и за них ответишь!

Млада сбила у него из рук железный молот. Драки уже не было — только люди, тяжело дышавшие возле сорвавшегося воза. Охранник с ножом увидел, что теперь никто не разойдётся под его крик, и попятился к верхней дороге. Второй схватил его за рукав. Они ушли вместе, оставив третьего без оружия. Тот не сопротивлялся, когда рабочие отобрали у него ремень с ключами.

Елиса сидела у стены. Пока Любава промывала ей колено, она разглядывала согнутый лом в руках Тихона.

— Сейчас они вернутся с людьми, — сказала она. — Вчера до вечера не было ни одного солдата, а к ночи привели семерых.

Златояра медленно сняла серебряную полосу с запястья. Под ней остался круглый обожжённый след.

— Вернутся. Они всегда возвращаются. Но сейчас у нижнего поворота только два дозорных. Я могу отвести туда тех, кто решит уйти.

— А остальных оставишь? — спросил Берест.

Она молча опустила глаза.

Ратмир предложил ещё раз. На этот раз пошли трое. У одного дома осталась больная мать; он передумал в последний миг и вернулся к ящику. Остальные решили не бросать селение, пока дети там. Ратмир ещё раз посмотрел на дорогу к селению и велел Младе прикрыть уходящих.

Златояра вышла впереди троих добровольцев, но у нижнего поворота резко свернула не к дороге, а за каменную стенку. Там её ждали две лошади. Она схватила ближайшую за повод.

— Не двигайся, — сказал Тихон.

Он стоял за стенкой, куда вышел по короткой тропе, указанной Младой. Рядом лежала верёвка Драгуна — её оставили на случай, если придётся вытаскивать людей из обвала. Златояра взглянула на открытый путь вниз и не побежала. Если бы побежала, волчьи могли оставить троих уходящих без прикрытия.

— Меня там убьют, — сказала она.

— Здесь тоже не оправдают, — ответил Тихон.

Он связал ей руки так, чтобы не задеть ожог. Двух лошадей отпустили к селению. Трое решивших бежать людей прошли с Младой к безопасной тропе; двоих Ратмир отправил дальше без сопровождения, третьего, обессилевшего, принесли на плаще к ночному убежищу.

Рабочие подняли Елису на носилки. У перевёрнутого ящика уже стоял новый сторож — один из тех, кто сломал свой шест. Он провожал уходящих, держа в руках обломок.

Драгун вернулся к сумеркам. Тимша был жив, Федя оставался у Космы; на дороге к восточному перевалу он видел свежие конные следы. Гостята подвинул ему миску. Юноша сначала поел, лишь потом спросил, кого держат под охраной.

— Ту, что велела поставить Федю на железо, — сказал Ратмир.

Елиса приподнялась на локтях. Она не спросила о себе, о ране и о тех, кто остался у карьера.

— Кто делает ошейники? — спросила она Златояру. — Ты знаешь, где человек, которому привозили живых волчьих на испытание.

Златояра долго глядела на огонь. — Одна мастерская под железным двором. Там работают по чертежам, которые не сами придумали. Есть мастер, который измеряет горло. Его имени вам не дадут — он надевает маску, когда выходит к пленникам.

— Как отличить? — спросил Драгун.

— У него на левой рукавице три белые стежки. Если снимет — останется ожог от цепи. — Златояра втянула воздух. — Зачем вам это знать? Вы его всё равно не догоните.

Ратмир посмотрел на Береста. Тот сидел у входа и разглядывал собственные перевязанные пальцы.

— Потому что в следующий раз, — ответил Ратмир, — мы придём не только за тем, кого держат на цепи.

Златояра молчала возле стены. Она смотрела на Елису, лежавшую у огня. Любава накрыла пострадавшую сухим плащом. Внизу, со стороны рабочего двора, один раз ударили в гонг — там наконец заметили, что рабочие остановились. Второго удара не последовало.

— Завтра вернём обеих к Космe, — произнёс Ратмир.

— И потеряем день, — сказала Златояра.

— Потеряли уже больше, — ответил он. — Там остались люди, которых я не смог увести.

Глава седьмая. Долг за проход

Первым за ночь закричал Берест.

Он сидел во сне, опершись на больной локоть, и всё пытался расслышать смех брата. Проснувшись, обнаружил, что слышит только шум ветра между камней. Тихон молча подал воду. Никто не стал уговаривать его вспомнить то, чего больше не было.

Утром отряд повёл Елису и связанную Златояру к сторожке Космы. Ратмир не собирался держать больную женщину на ледяном перевале, а пленницу — среди тех, кого она заставляла работать на железном дворе. Впереди шёл Драгун. Федя и Тимша уже находились у Космы; ночью он сам отвёл туда мальчика и вернулся.

Первая ловушка была слишком заметной. На северном повороте кто-то воткнул три сухих кола, обмазанных свежей кровью. От них к узкой расселине тянулся запах раненого зверя. Берест остановился. В запястьях прошёл тот горячий толчок, который предшествовал обращению.

— Того, с ошейником, опять ведут, — сказал он.

— Или берут его кровь и оставляют там, куда хотят нас послать, — ответила Млада.

Она опустилась к колышкам. Снег между ними был примят лишь человеческими сапогами. За дальней стеной ветром пахло железной смазкой. Драгун заметил у верха распадка короткую царапину: такую же он нашёл на ловушке с отравленным сеном после моста Палагеи.

Из трещины над головами ударил арбалет. Болт прошил кожух лошади, на которой везли Елису. Животное вскинулось; Елиса едва не свалилась под копыта. Тихон подхватил её, но на дальнем склоне уже зазвучал рог. Второй выстрел пришёл с противоположной стороны. Нападавшие стреляли не в Ратмира и не в Береста — они гнали раненых в короткую тропу к обрыву.

— Не туда, — сказал Драгун. — Там кончается камень.

— Там свободно, — возразил Гостята, увидев белый просвет.

— Поэтому и свободно.

Драгун опустил лук и показал ладонью на верхнюю полку скалы. Сам он туда не смог бы поднять лошадь, но один здоровый человек проходил боком. Внизу оставалось узкое русло, где несколько дней назад ушла вода. Его скрывала корка льда.

— Я поведу Любаву, Елису и пленницу по руслу, — сказал он. — Тихон прикроет сзади. Вы с Младой и Берестом заставьте их смотреть наверх.

Ратмир взглянул на юношу. Невзор прежде сам выбирал такие пути. Ратмир мог приказать Драгуну остаться возле него и не рисковать пленными без вожака. Вместо этого кивнул.

— Веди. Если не выйдете к чёрной берёзе до заката, мы вас не ждём у прохода. Ищем ниже по воде.

Драгун первым спустил коня с Елисой; на каждую ступень зверь ставил копыто по его указанию. Любава шла слева с кусочком красной ткани на посохе, чтобы Тихон мог узнавать её в метели. Златояра двигалась за ними, со связанными спереди руками; ей дали держаться за ремень седла, но не позволили выбирать дорогу.

Наверху раздался тяжёлый удар. Нападавшие обрушили небольшой карниз. Снег и камни потекли между отрядами, отрезав русло от тропы. Ратмир отступил под выступ, Млада срывала стрелы с края щита, Берест подставил здоровое плечо под сползающую сосну и остановил её, пока двое проходили мимо. У него снова потемнела перевязь.

Из-за камня показался воевода в медвежьем шлеме. Он стоял достаточно далеко, чтобы не достали метательные ножи, и держал в руке короткую кожаную плеть.

— Ты всё-таки пошёл за чужой кровью, Сивый, — крикнул он. — Где твой следопыт? Тот, которого уже похоронили?

Ратмир почувствовал, как напрягся Берест. Имя погибшего было названо не для насмешки. Куден ждал, что кто-то из волчьих бросится на уступ, где прятались арбалетчики. Он повернул шлем к нижнему руслу, куда ушёл Драгун, и поднял руку.

Первый болт ударил возле Любавы. Второй вонзился в заднюю луку седла Елисы. Драгун почти не видел стрелков, но заметил, что они ждут красного сигнала с верхнего уступа. Он сорвал собственный плащ, бросил его на обледенелый валун и пустил по течению пустого русла. На дальнем склоне плащ приняли за упавшего человека. Враги выстрелили в него разом, открыв место трёх укрытий.

— Тихон, левый камень! — крикнул Драгун.

Тихон швырнул топор не в людей, а в толстую ветку над их головами. Снежная шапка ссыпалась на укрытие и заставила стрелков выйти из-за щитов. Любава увидела свободный проход, взяла лошадь за узду и повела Елису к чёрной берёзе. Златояра дважды падала, но Драгун поднял её за ремень, не позволив вернуться к преследователям.

Наверху Куден заметил, что его стрелки потеряли цель, и впервые сам пошёл вперёд. Он не собирался драться с Ратмиром. Ему нужен был лист, на котором Гостята начертил старую восточную тропу с отметками Космы. Лист торчал из разбитой сумки; воевода видел его ещё у сторожки, когда наблюдал, как пленники обсуждали нижний ход.

— Отдай дорогу, — сказал Куден. — Или они останутся там, внизу.

Ратмир вынул лист. На нём были развилки, по которым можно было незаметно провести пленников к Семерым камням. Отдать его значило пустить врага впереди всей стаи. Не отдать — позволить арбалетчикам догнать Любаву и Елису.

Он бросил лист на открытый камень между собой и воеводой.

Куден посмотрел на него, не поверив сначала. Ратмир положил рядом короткий нож без рукояти и отступил. Воевода поспешил взять рисунок. В это мгновение Млада скинула с уступа сухой ствол, заранее освободив корни. Ствол рухнул поперёк узкой тропы, отделив Кудена от его же стрелков. Берест толкнул его ногой дальше и обвалил край дорожки. Часть людей уцелела, но стрелять вниз больше не могла.

— По этой дороге я вас догоню, — крикнул Куден, пряча лист.

— По этой — да, — ответил Ратмир.

Волчьи ушли не к восточной тропе, а вниз, по кромке русла. Они нашли Драгуна у чёрной берёзы. Ладони у юноши были сбиты до крови, но Елиса добралась живая. Тихон перевязал ей колено; Любава развязала ремень с запястий Златояры только для того, чтобы осмотреть побелевшие пальцы, и снова связала его. Ратмир не вмешался. После этого дня Драгун уже не ждал его указаний на каждом повороте.

К сторожке Космы добрались к ночи. Дана уложила Елису на тёплую лавку, а Тимша и Федя вышли навстречу с деревянной птицей, у которой оба крыла наконец были ровными. Окружные лесники согласились держать Златояру под охраной до появления местных свидетелей. Среди тех, кто пришёл её опознать, была Наста: её мужа Илью увели к железным порогам, и ожог от серебряной полосы на запястье пленницы она узнала сразу. Камень в руке Насты долго не опускался, однако в конце она отдала его Дане и потребовала держать пленницу живой, пока не станет известна судьба Ильи.

Перед рассветом в сторожку прибыл всадник из Медной Пристани. Конь под ним едва стоял. Он передал выжженную дощечку с девятью кругами: восемь замкнутых, девятый разомкнут. Вестник назвал Асаву и сказал, что Сухан больше не выполняет её приказов. На обороте было написано: «Никакая дверь не должна открываться голосом пленного».

Ратмир не стал спрашивать, почему Асава предупреждает их теперь. Он показал Драгуну дощечку, а затем развернул оставшуюся у него половину старой карты. Дорога, которую забрал Куден, проходила через восточную арку. Ниже неё шёл крутой звериный ход, отмеченный рукой Космы только одной чёрной точкой.

— Там не пройдут лошади, — сказал Драгун.

— Поедем дальше, а у арки свернём, — ответил Ратмир. — Он знает, куда мы собирались. Не знает, куда решимся пойти теперь.

На рассвете все семеро снова выехали из сторожки Космы. Елиса и Златояра остались под защитой людей, способных отвечать за них на месте. Куден уводил своих к восточной арке; в распадке на северном склоне горел его сторожевой костёр.

Глава восьмая. Перевал без эха

Они нашли обгоревшую тележную ось на рассвете. Драгун встал на колено у края дороги, снял рукавицу и потрогал чёрный снег. На копытной тропе виднелись два следа повозок: первая прошла ночью налегке, вторую волокли четыре лошади. Между колеями тянулась узкая борозда от железной цепи.

— К восточным воротам, — сказал Драгун. — Первая повозка поднялась к ним коротким путём. Вторая осталась на нижней дороге.

Ратмир посмотрел на карту Космы. До восточной арки было шесть часов конного хода, если мост под снегом уцелел. Внизу, над Красной тесниной, дымился лес. Дорогу между двумя склонами нельзя было обойти на повозке.

Из леса вышел мальчик в коротком солдатском плаще. На ногах у него были разные сапоги. Он не побежал от волчьих: сел на камень и ждал, когда перестанет кружиться голова. Гостята дал ему воды. На рукаве мальчика нашли надрез в форме молота с расколотой рукоятью.

— Я вёл запасного коня, — сказал он, сжимая кружку обеими руками. — У первой телеги человек под пологом. У второй дети. От старика велели везти обе, но к воротам успеют только с одним грузом. Если услышат погоню, разведут по разным тропам.

— Сколько детей?

— Не знаю. По голосам — трое. Может, четверо. Когда я пытался посмотреть, старший ударил меня поводом и велел спрыгнуть.

Млада присела рядом. — Кто под первым пологом?

— Пленный. Он знает нижний вход в гору. Его держали там, где мы меняли лошадей. О нём говорили так, будто он дороже всех остальных.

Из-за каменной стены внизу донёсся длинный свист. Мальчик вздрогнул и уронил кружку.

— Они поняли, что я ушёл.

Драгун выпрямился. — Если ударят на нижнем повороте, дети окажутся у обрыва. Там нет места для разворота. Но по тропе в ельнике можно выйти впереди них.

Он провёл пальцем по карте; от сгиба бумаги отслоился край, однако старый угольный знак был виден. — Конём не пройти. Только волчий, если переберётся через осыпь.

Берест снял плащ. На правом предплечье под бинтами виднелось мокрое пятно. — Ты покажешь, где мне оказаться, а уж как добраться, решу сам.

— Руку снова разорвёшь, — сказал Ратмир.

— Если оставлю её человеческой, до детей вообще не доберусь.

Никто не назвал это лёгким способом сократить дорогу. Бересту предстояло обратиться ради людей, которых он ещё ни разу не видел. Он долго завязывал бинт узлом, который можно разорвать зубами. Млада помогла освободить пряжку на его шее; Тихон отвернулся, давая волчьему место между соснами.

Волк поднялся на две ноги, упираясь плечами в низкие ветви. Снег осыпался с еловых лап на широкую, исполосованную шрамами спину. Он попытался опереться на повреждённую правую руку, зарычал от боли и перенёс вес на левую. Потом перескочил через промоину, куда лошадь не ступила бы даже без седока.

Драгун не побежал за ним. Стал на уступе, поднял ладонь в видимый просвет. Один жест — вправо, два — вниз. Берест оглянулся. Драгун показал дальнюю выемку среди камней. Волк исчез в березняке, а через минуту показался на уступе выше дороги — на три сотни шагов впереди всадников.

На гребне переменился ветер. До этого он тянул из долины, неся гарь лесного пожара; теперь ударил из-за северных скал и разом поднял над тесниной сухой снег. Драгун снял колпачок со свистка, но сразу убрал: в такой гул Берест не услышит. Остались только жесты, которые можно было различить между порывами.

Первый всадник натянул повод, ослеплённый снежной крупой. Берест же видел ниже дороги чёрные стволы и старую щель между ними. Он свернул туда, не теряя высоты, и вышел к обозу раньше, чем охрана поняла, что следы волка оборвались. Стая получила преимущество от непогоды, но та же белая пелена скрыла от зверя вторую повозку до самого поворота.

Остальная стая пошла другой тропой. Ратмир повёл Младу и Тихона к нижнему броду, чтобы остановить отрезанную повозку. Любава с Гостятой остались у мальчика и лошадей; Драгун двинулся по гребню, отмечая движение обоза. Его лук не достал бы до колеи, но жесты могли спасти Бересту жизнь.

У поворота к воротам действительно стояли две телеги. Одна, под чёрным пологом, уже тронулась вверх. Другая была накрыта соломой; из-под неё высунулась детская рука и тут же исчезла. Вооружённые верховые ехали по обе стороны колёс. На узком мостке за ними дымилась смола — кто-то подготовил поджог настила после прохода обоза.

Берест прыгнул не на телегу, а перед головным конём. Конь встал на дыбы, ударил подкованными копытами по граниту. Всадник слетел в сугроб; второй успел опустить длинное копьё, но ударил не в грудь зверя, а в осыпавшуюся берёзу, когда тот перепрыгнул на верхний край тропы. Берест вернулся сбоку и сшиб двух лошадей вместе с людьми, однако колёса чёрной телеги уже застучали за скалой.

Солдаты не бежали от зверя сломя голову. Они знали, куда его вести. Первый ускакал к теснине, второй нарочно сбросил железную цепь поперёк прохода. На концах цепи висели раскрытые, обитые зубцами капканы. Берест увидел металл поздно: лапа уже опускалась на снег. Он успел переложить вес на больную руку и рухнул боком, срывая корку льда, вместо того чтобы наступить на железо.

На дальнем краю уступа стоял Куден в медвежьем шлеме. Он не собирался стрелять в зверя, пока тот мог выбрать чёрную повозку. Напротив, воевода ударил по пустому котлу, отвлекая внимание от детей, и сдвинул двух арбалетчиков на сторону горящего мостка. Всё было рассчитано: Берест успевал догнать пленника, если оставлял соломенную телегу, но тогда четверых детей сбрасывали вместе с ней в пропасть.

— Посмотрим, кого ты бросишь, волчий, — сказал Куден так тихо, что рядом услышал лишь коновод. — Мне обещали зверя, который не оставляет своих. Дети тоже будут его своими, как только он услышит их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.